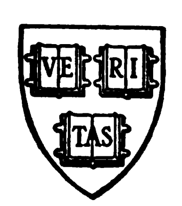

VE
RI
TAS

Библіотека „СВѢТОЧА“
подъ редакціей *С. А. Венгерова.*
№ 4.
Серія „Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія“ № 1.

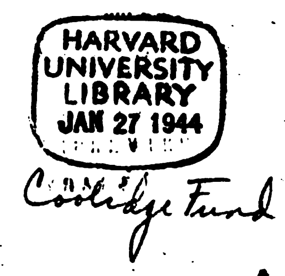
САМОДЕРЖАВІЕ И ПЕЧАТЬ
ВЪ РОССІИ.

Предисловіе.—Всеподданнѣйшее прошеніе 114 русскихъ писателей.—Записка о нуждахъ русской печати—Мартирологій русской печати.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр., д. 15.
1906.

"SAMODERZHAVIE
I PECHAT'"

F

Серію «Матеріаловъ для исторіи русскаго общественнаго движенія» мы открываемъ брюшюрой «Самодержавіе и печать въ Россіи», впервые напечатанной въ Берлинѣ въ 1898 г. Современный читатель найдетъ здѣсь въ высшей степени поучительныя данныя для сужденія о томъ, съ какою готовностью гг. Побѣдоносцевы, все еще, хотя и за ширмами, вершающіе судьбы Россіи, идутъ на встрѣчу насущнѣйшимъ потребностямъ общества, когда ихъ *просятъ*.

Нынче все нападаютъ на «крайнихъ». Это они виноваты въ томъ, что искреннія намѣренія министерства Дурново-Витте дать Россіи конституціонныя свободы никакъ не могутъ вытанцоваться. Что, въ самомъ дѣлѣ, подѣлаешь съ людьми, которымъ все мало?

Но вѣроятно даже г. Дурново по нынѣшнимъ временамъ пришелъ-бы въ восторгъ отъ той идеальной умѣренности, съ которою въ эпизодѣ, разсказанномъ въ настоящей брошюрѣ, вели себя «крайніе», составляющіе значительную часть лицъ, подписавшихъ ходатайство.

Эти «крайніе», очевидно, хотѣли сдѣлать попытку дѣйствовать «умѣренно». Наступили новыя времена, пошли слухи о «новомъ курсѣ». «Умѣренные» заволновались. Глубокосидящая въ каж-

ждомъ русскомъ «умѣренномъ» человѣкѣ маниловщина почуяла подъ собою какую-то твердую почву. Гоголевскій Маниловъ мечталъ о томъ, какъ его начальство за добродѣтель произведетъ въ генералы. А россійскіе политическіе Маниловы вплоть до нашихъ дней не могутъ отдѣлаться отъ пріятной мечты, что, извѣстившись о лучшихъ намѣреніяхъ гг. либераловъ, начальство возьметъ да и пожалуетъ ихъ самою настоящею свободою. На этотъ разъ и «крайніе» поддались маниловскимъ мечтаніямъ и за эту безграничную умѣренность получили блистательнѣйшую награду. Чрезъ околодочного гг. Побѣдоносцевъ и его коллеги сообщили русскимъ писателямъ, что, по ихъ мнѣнію, желаніе подчинить русское слово только закону не заслуживаетъ никакого вниманія.

Въ литературныхъ кругахъ считалось, что настоящая брошюра выпущена при участіи В. А. Бильбасова, который былъ главнымъ уполномоченнымъ писателей, подававшихъ петицію. Такъ-ли это — сказать трудно. Но если Бильбасовъ и не принималъ прямого участія въ составленіи брошюры, то, несомнѣнно, что авторъ предисловія пользовался указаніями и сообщеніями покойнаго историка. Многое только со словъ Бильбасова и могло быть извѣстнымъ.

Несмотря на общую, ультралояльную тенденцію предисловія, мы, перепечатывая безъ измѣненій 2-ую и 3-ю часть брошюры, предисловіе воспроизводимъ съ небольшими опущеніями. Берлинъ и резиденція гр. Витте—С.Петербургъ не одно и тоже. Впрочемъ, опущенія, въ общемъ, составляютъ не больше полустраницы.

А затѣмъ мы не сочли себя вправѣ перепечатывать нѣкоторыя указанія брошюры и помимо приспособленія къ условіямъ современной «свободы печати». Такъ въ берлинскомъ изданіи полностью названа фамилія писательницы, получившей изъ академической коммиссіи пособіе. Такія дискреціонныя свѣдѣнія, по нашему, не подлежатъ опубликованію. Еще менѣе считаемъ мы себя вправѣ цѣликомъ перепечатывать сообщеніе о продажности двухъ опредѣленно-названныхъ музыкальныхъ рецензентовъ. Обвиненіе слишкомъ серьезно, чтобы бросить его безъ строгой провѣрки. Лишили мы опредѣленности и нѣкоторыя другія указанія чисто-личнаго характера, общественнаго интереса не представляющія.

Считаемъ также необходимымъ сдѣлать одну существенную оговорку относительно того, что говорится въ предисловіи объ Академическомъ фондѣ. Что Витте хотѣлъ сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ Reptilien-Fond'а — считалось въ свое время несомнѣннымъ. Но изъ этого намѣренія, во всякомъ случаѣ, рѣшительно ничего не вышло

Къ чести Академіи нужно сказать, что, если оттѣнокъ офиціальности и былъ въ нѣкоторой степени присущъ дѣятельности Академическаго фонда въ самомъ началѣ, то затѣмъ онъ очень скоро совершенно исчезъ. Въ настоящее время отпечатокъ бюрократизма выражается въ томъ, что члены Академическаго фонда не выбираются, а назначаются. Поэтому къ помощи Академическаго фонда обыкновенно обращаются вдовы и сироты писателей, а сами писатели предпочитаютъ обращаться въ товарищескій Литературный Фондъ. Но собственно въ распредѣленіи пособій Академическій фондъ всегда руководится только соображеніями о нуждѣ

и никогда не входитъ въ разсмотрѣніе обращаемыхъ къ нему просьбъ съ точки зрѣнія политической.

Къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ во 2-й части брошюры слѣдуетъ сдѣлать слѣдующее добавленіе. Уполномоченными 114 писателей оффиціально были: К. К. Арсеньевъ, А. Н. Бекетовъ, В. А. Бильбасовъ, Г. К. Градовскій, М. Л. Песковскій и нижеподписавшійся. Но неоффиціально въ подготовительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ на квартирѣ В. А. Бильбасова, ближайшее участіе приняли еще Н. К. Михайловскій и В. И. Семевскій. Изъ нихъ В. И. Семевскій только что былъ устраненъ отъ преподаванія въ университетѣ и Лицеѣ, а Михайловскій считался главаремъ «крайныхъ». Поэтому ихъ сдѣлать оффиціальными уполномоченными считалось неудобнымъ—все въ тѣхъ-же видахъ абсолютной «умѣренности».

Третья часть брошюры—«мартирологій русской печати» ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться полнымъ перечнемъ всего того, до чего печать не имѣла права прикоснуться подъ страхомъ строжайшихъ взысканій. Этихъ запрещеній было можетъ быть въ 10 или 20 разъ больше. Для 1882 г. напр., указано только одно запрещеніе, а ихъ было, какъ мы это опредѣленно знаемъ по редактированію «Устоевъ», не одинъ десятокъ. Для 1883—1888 г. не указано ни одного запрещенія, а въ эти годы циркуляры сыпались прямо дождемъ, такъ что объ нихъ забывало даже само Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Но и въ этомъ видѣ «мартирологій» является настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ тѣхъ, которые, зажавъ ротъ честному слову, подготовили переживаемыя Россіею бѣдствія. Здѣсь, несомнѣнно, первоисточникъ всего того, что обрушилось на нашу не-

счастную родину. Задавивъ всякое проявленіе критическаго отношенія къ ея дѣйствіямъ, бюрократія обезпечила себѣ безконтрольное хозяйничаніе, которое и повело къ катастрофѣ.

При разсматриваніи «Мартирологія» прежде всего бросается въ глаза масса курьезовъ, прямо напоминающихъ времена Красовскаго и Мусина-Пушкина. Что сказать о запрещеніи затрагивать «честь турецкаго султана»? О предписаніи хранить «безусловное молчаніе о спорѣ Франціи и Нидерландовъ по поводу владѣній въ Гвіанѣ»! О приказѣ «не раздражать Германію, говоря о встрѣчѣ русскихъ моряковъ въ Тулонѣ и Парижѣ», о воспрещеніи «обсуждать вопросъ о 750-ти-лѣтнемъ юбилеѣ Москвы», такъ какъ-де россійскому обывателю должно быть вѣдомо, что «возбужденіе вопросовъ объ юбилеяхъ, имѣющихъ государственное значеніе, вовсе не подлежитъ частной иниціативѣ». И наконецъ развѣ не достойно безсмертія оповѣщеніе, что «извѣстія о замерзаніи портовъ разрѣшается печатать лишь въ томъ случаѣ, если таковыя извѣстія получены отъ офиціальныхъ лицъ». Вотъ она высшая-то политика: даже ледъ только тогда считается замерзшимъ, когда начальство прикажетъ.

Можно было-бы надъ всѣми этими административными благоглупостями смѣяться, еслибы онѣ не характеризовали собою въ полномъ смыслѣ слова опьяненія властью.

Но, конечно, главный ужасъ заключается въ томъ, что огуломъ были изъяты изъ обсужденія вопросы первостепенной важности и устанавливалась «неприкосновенность» для тѣхъ именно вѣдомствъ, гдѣ хищенія приняли особенно чудовищные размѣры.

А въ заключеніе широкое пользованіе административными связями для обдѣлыванія самыхъ темныхъ продѣлокъ. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ объяснять «высшей политикой» запрещеніе говорить о цѣломъ рядѣ злоупотребленій въ разныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Было-же кому-то настоятельно необходимо исхлопотать запрещеніе писать о злоупотребленіяхъ въ кронштадтской кредиткѣ, о поставкѣ въ петербургскую думу знаменитой гнилой «пухертовской» муки, объ обществѣ рѣчного страхованія и даже о страховомъ обществѣ «Россіянинъ», дѣятели котораго попали очень скоро на скамью подсудимыхъ.

С. Венгеровъ.

Года два назадъ, въ газетахъ исключительно иностранныхъ, упоминалось о ходатайствѣ русскихъ писателей передъ молодымъ императоромъ Николаемъ II: русскіе ученые, литераторы и публицисты просили, какъ милости, оградить русскую печать отъ произвола администраціи изданіемъ закона о печати. Русская печать стоитъ внѣ закона; въ Россіи печать зависитъ не отъ закона, а отъ усмотрѣнія министровъ, преимущественно министра внутреннихъ дѣлъ, которому она подчинена.

Такое беззаконное положеніе русской печати вредно, прежде и больше всего, самодержавію русскаго государя; такое беззаконное положеніе русской печати выгодно исключительно только министрамъ.

Государственный строй Россіи покоится на самодержавіи главы государства, ничѣмъ не ограниченнаго и ни отъ кого не зависимаго. Такова русская государственная теорія; практика указываетъ этой теоріи границы, опредѣляетъ ея зависимость исключительно отъ нуждъ народа, отъ благосостоянія страны.

Кто же узнаетъ нужды народа и выскажетъ ихъ, кто же изслѣдуетъ состояніе страны и опре-

дѣлить его, если не печать? Только печать можетъ нарисовать самодержцу вѣрную картину положенія русскаго народа и русской земли. Въ Россіи нѣтъ самостоятельныхъ органовъ народнаго представительства, которые не только указываютъ, что необходимо сдѣлать, но и контролируютъ сдѣланное; въ Россіи то и другое составляетъ прямую обязанность печати. Только при возможно свободной, независимой отъ администраціи печати, русскій государь можетъ знать нужды народа и по нимъ опредѣлить государственную политику страны.

Министры, вѣдающіе всѣ отрасли государственнаго хозяйства, склонны, конечно, находить, что «все обстоитъ благополучно» и что народъ ни въ чемъ не нуждается — всякое иное представленіе является укоромъ тому или другому министру. Отъ министровъ, совѣтниковъ безконтрольныхъ и безъотвѣтственныхъ, государь правды узнать не можетъ—не въ интересахъ министровъ давать государю розгу противъ себя же.

Безъ самостоятельной печати, русскій государь перестаетъ быть самодержцемъ и подпадаетъ въ полную зависимость отъ своихъ министровъ—онъ видитъ ихъ глазами, слышитъ ихъ ушами, мыслитъ ихъ умомъ. Безъ независимой печати, самодержцами становятся министры—государь только исполняетъ ихъ волю, причемъ всякая ошибка министровъ, вольная и невольная, всякая нелѣпая ихъ затѣя прикрывается «высочайшимъ повелѣніемъ». Такъ, безобразный выборъ Нижняго Новгорода для всероссійской выставки былъ приписанъ императору Александру III; безсмысленный чеканъ *золотой* монеты съ цѣною въ *кредитныхъ* рубляхъ былъ прикрытъ высочайшимъ повелѣніемъ и т. п.

Всегда и во всемъ замѣчается одна и та же черта: министры дѣлаютъ что хотятъ и весь odium своихъ нелѣпостей возлагаютъ на государя.

Неудобство такого положенія хорошо понималъ императоръ Александръ II и рѣшился оградить себя отъ самовластія министровъ предоставленіемъ печати права не только обсуждать мѣропріятія администраціи, но и критиковать самую дѣятельность министровъ. Александру II, облагодѣтельствовавшему Россію важными реформами, принадлежитъ и честь изданія перваго въ Россіи закона о печати, закона 1865 года. При непосредственномъ содѣйствіи печати, торжественно признанномъ самимъ императоромъ Николаемъ II, уничтожено позорное иго крѣпостного права, созданы и проведены въ жизнь городская, земская, судебная и военная реформы. Контроль печати, строгій и честный обуздывалъ лихоимство администраціи, отъ министровъ до городовыхъ, зорко слѣдилъ за общественными дѣлами въ самыхъ отдаленныхъ углахъ и создалъ ту неописанную и въ законѣ не указанную отвѣтственность министровъ, о которой не мечталъ даже и Сперанскій.

Для «самодержавія» министровъ такая печать была, конечно, неудобна, и законъ 1865 года просуществовалъ недолго. Собственно говоря, онъ не отмѣненъ и по нынѣ; но, какъ только наступила реакція, послѣдовалъ цѣлый рядъ административныхъ распоряженій относительно печати, совершенно упразднившій этотъ законъ: уже въ концѣ царствованія Александра II русская печать попала подъ тяжелый гнетъ администраціи. Съ воцареніемъ Александра III, когда реакція смѣло и нагло подняла голову, въ Россіи не раздавалось

уже вполнѣ независимаго слова, и всякое правдивое замѣчаніе, даже самое невинное, должно было облекаться въ эзоповскую форму.

При полномъ молчаніи независимой печати и подъ хвалебные гимны щедринскихъ газетъ типа «Чего изволите», реакція обрушилась на всѣ реформы Александра II и наложила свою тяжелую руку на всю русскую землю. Реакція царила (полновластно) и въ эти 13 лѣтъ Россія сдѣлала большой скачекъ назадъ: всѣ дурные инстинкты, безчестныя поползновенія и безнравственныя цѣли поощрялись; все чистое и честное преслѣдовалось. Деморализація охватила всѣ слои общества, нажива сдѣлалась общимъ лозунгомъ, и поэтъ, съ горечью на устахъ и съ болью въ душѣ, свидѣтельствовалъ, что въ русскомъ обществѣ

Стыдъ гаснетъ, совѣсть спитъ... ни проблеска кругомъ:
Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ.

Это ничтожество характеризовало, прежде всего, министерство. По смерти Александра III, близъ ступеней трона, въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ молодого государя, не оказалось ни одного лица, обладающаго государственнымъ умомъ—все одни ничтожества, до уличеннаго въ мошенничествѣ министра путей сообщенія Кривошеина...

. . . .

Наши «государственныя ничтожества» не понимали даже, что слава государя созидается только и исключительно на внутренней политикѣ—они со-

здали Александру III ореолъ царя-миротворца, воспѣвая, даже подъ звуки революціонной Марсельезы, пресловутую alliance franco-russe.

Насъ ни мало, конечно, не интересуютъ тѣ выгоды, которыя временно Франція можетъ извлекать изъ фантома alliance franco-russe; но не можемъ не смущаться тѣми роковыми послѣдствіями, которыя готовитъ Россіи авантюристская политика этого франко-русскаго альянса, разрывающаго вѣковую связь нашу съ Германіей, нашей ближайшей сосѣдкой. La semaine russe во Франціи, какъ и les journées françaises въ Россіи, тулонскія и парижскія празднества, петергофскія и петербургскія иллюминаціи—все это не болѣе какъ театральная мишура, неспособная обмануть кого-либо и неимѣющая серьезнаго значенія; но если мы сценическую иллюзію примемъ за дѣйствительную жизнь, въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, позднее раскаяніе покроетъ насъ или позоромъ измѣны или стыдомъ жестокихъ жертвъ.

Урокъ ужъ былъ данъ: освященный вѣками обрядъ коронованія былъ обращенъ нашими министрами въ сценическое зрѣлище и окончился гибелью нѣсколькихъ тысячъ народа на Ходынскомъ Полѣ. Какъ въ Москвѣ, на коронаціи, такъ и въ Петербургѣ, на французскихъ фестиваляхъ, вся mise en scène была устроена театральными дѣльцами, и можно опасаться, что результатъ будетъ тотъ-же. Серьезныя государственныя дѣла не творятся за банкетами и во время фейерверкеровъ—Triple alliance созданъ безъ иллюминаціи, безъ гимновъ, безъ фейерверка...

При всѣхъ этихъ явленіяхъ русская печать играла жалкую, недостойную ея роль — она про-

должала быть слугою администраціи и печатала лишь статьи, писанныя по указаніямъ властей и въ угоду имъ. Даже такое страшное бѣдствіе, какъ голодъ 1891 года не образумилъ бездушныхъ министровъ, воспрещавшихъ сообщать свѣдѣнія о страданіяхъ народа. Министръ внутреннихъ дѣлъ *) нагло обманулъ Государя, увѣряя его, что хотя нѣкоторыя губерніи и постигъ неурожай, но мѣрами администраціи хлѣбъ въ эти губерніи подвезенъ въ достаточномъ количествѣ и населеніе не чувствуетъ недостатка въ хлѣбѣ. Удивляться-ли послѣ этого, что Александръ III такъ и умеръ, не зная, что въ его царствованіе люди мерли отъ голода...

Обманывали министры Александра III, будутъ обманывать и Николая. Этотъ обманъ возможенъ только при одномъ условіи—при полномъ безмолвіи печати.

Министры Россіи не знаютъ и ею, по большей части, не интересуются; они всецѣло заняты только сохраненіемъ за собою той власти, которая дается имъ занимаемымъ мѣстомъ и которая является для нихъ источникомъ личнаго обогащенія. Къ тому

---

*) Въ голодные годы 1891—92 министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ никто иной, какъ И. Н. Дурново, уплатившій свои долговыя обязательства Кривошеину назначеніемъ его сперва директоромъ департамента, потомъ министромъ путей сообщенія: тотъ самый Дурново, который, въ видѣ гешефта, выдалъ свою дочь за богача Синельникова, и потомъ со скандаломъ, послѣ рукопашнаго боя, долженъ былъ опять принять ее въ свой домъ; тотъ самый, наконецъ, Дурново, который, по настоянію . . . . . , состоитъ нынѣ предсѣдателемъ комитета министровъ. Послѣ образованнаго, гуманнаго, чистаго Бунге — интриганъ, спекулянтъ, неучъ Дурново: это наилучшая характеристика нынѣшнихъ русскихъ министровъ. Ниже этого ни одно уже министерство пасть не можетъ.

же, Россія велика, и одному человѣку ее знать нельзя. Только печать съ ея арміею кореспондентовъ, мѣстныхъ дѣятелей, можетъ услѣдить за провинціальною жизнью во всѣхъ ея изгибахъ; только печать съ ея штабомъ репортеровъ, этихъ добровольныхъ сыщиковъ, можетъ раскрыть и помочь разъяснить самыя сокровенныя движенія общественныя и поползновенія личныя. Само собою разумѣется—печать патріотическая, честная; такою можетъ быть только печать свободная, отъ администраціи независимая, на законѣ основывающаяся и закономъ охраняемая.

Въ этихъ видахъ и съ этою цѣлью русскіе писатели рѣшились обратиться къ Государю Императору съ помѣщаемымъ ниже ходатайствомъ.

Это ходатайство подписано только 114 учеными, литераторами и публицистами Петербурга и Москвы. Не только провинціальные писатели здѣсь не участвовали, но и изъ столичныхъ лишь весьма немногіе. Это объясняется, вопервыхъ, тѣмъ, что въ Россіи всякія дѣйствія «скопомъ» воспрещены и, поэтому, собираніе подписей производилось съ опаскою и съ оглядкою *); во вторыхъ, громадное большинство нынѣ орудующихъ писателей и публицистовъ, воспитанныхъ въ принципахъ предшествовавшаго 13-лѣтія и искушенныхъ соблазнами легкой наживы, признаны были недостойными участвовать въ подобномъ ходатайствѣ.

---

*) Этимъ объясняется и система подписей по алфавиту, отнимавшая у администраціи поползновеніе видѣть «зачинщиковъ» въ первыхъ подписяхъ.

Уполномоченные отъ представителей печати (Арсеньевъ, Бильбасовъ, Венгеровъ, Градовскій, Песковскій) избрали изъ среды себя «ходокомъ» извѣстнаго проф. В. А. Бильбасова, автора «Исторіи Екатерины Второй», какъ совмѣщающаго въ себѣ ученаго, литератора и публициста, въ теченіи многихъ лѣтъ стоявшаго во главѣ большого періодическаго изданія въ качествѣ редактора газеты «Голосъ» *).

Несмотря на всѣ предосторожности, администрація услышала о готовящейся «петиціи», и министры-самодержцы заволновались. Въ Петербургѣ стали ходить толки о «безумной затѣѣ» писателей; прошелъ слухъ, что министръ финансовъ Витте рѣзко осуждаетъ ходатайство. Бильбасовъ, въ качествѣ довѣреннаго уполномоченныхъ, посѣтилъ министра финансовъ и сообщилъ ему въ подлинникѣ самое ходатайство. С. Ю. Витте съ большимъ вниманіемъ прочелъ ходатайство и всѣ подписи, нашелъ что ходатайство составлено далеко не въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ передавали городскіе слухи, порадовался, что въ числѣ подписей нѣтъ ни одной изъ тѣхъ, которыя ему было-бы непріятно встрѣтить и, въ заключеніе, посовѣтовалъ обождать недѣли три съ представленіемъ ходатайства, причемъ обѣщалъ, съ своей стороны, содѣйствовать по мѣрѣ силъ успѣху дѣла.

Совѣтъ былъ принятъ: ходатайство, подписанное 8 января 1895 г., было представлено Государю

---

*) По свѣдѣніямъ, нами полученнымъ, въ квартирѣ же Бильбасова собирались уполномоченные для обсужденія вопросовъ и устраненія затрудненій, возникавшихъ по этому поводу.

Императору лишь 24 февраля. Что же произошло въ это время?

Можно быть серьезнымъ ученымъ, даже любимымъ профессоромъ, написать капитальную біографію Екатерины II, нажить милліонное состояніе изданіемъ «Голоса», и все таки остаться человѣкомъ крайне наивнымъ. Таковымъ Бильбасовъ всегда былъ и остается понынѣ, несмотря на свою сѣдину. Онъ повѣрилъ словамъ Витте, убѣдилъ и остальныхъ уполномоченныхъ въ искренности министра финансовъ, и тѣмъ погубилъ все предпріятіе, такъ патріотично задуманное.

Было большею наивностью довѣрять въ этомъ случаѣ Витте. Болѣе чѣмъ кто либо изъ министровъ онъ ненавидитъ независимое печатное слово. Понимая значеніе печати въ настоящее время, Витте тратитъ большія суммы на печатаніе хвалебныхъ себѣ статей какъ въ русскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ. Русскимъ публицистамъ, ему угодившимъ, онъ назначаетъ жалованья, даетъ даже мѣста на государственной службѣ. Болѣе чѣмъ кто-либо изъ русскихъ министровъ-самодержцевъ, онъ не выноситъ печатной критики своихъ дѣйствій—замѣчанія Ціона, къ тому же напечатанныя заграницей, вывели Витте изъ себя, и онъ заставилъ сдѣлать вопіющую несправедливость осужденіемъ Ціона за тѣ цифры, которыя онъ обнародовалъ на основаніи офиціальныхъ изданій, и за тѣ выводы, которые продиктованы ему логикой. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на Ціона, не отличающагося симпатическими чертами, каково ни было бы его прошлое, недѣлающее ему чести, но надо быть справедливыми и относительно Ціона. Казнить человѣка за мнѣніе, за статью — этого не дѣлали даже прежде и Витте въ данномъ случаѣ оказалъ медвѣжью услугу верховной власти.

Послѣ исторіи съ Ціономъ можно ли было довѣрять Витте въ вопросахъ о печати?

Ознакомившись съ ходатайствомъ, Витте увидѣлъ въ немъ скорую погибель свою и своихъ товарищей, министровъ-самодержцевъ. Николай II— государь молодой, честный, отзывчивый; онъ легко пойметъ, что ходатайство писателей не только законно, но и вполнѣ правомѣрно. Если печати будетъ предоставлено писать правду, министры будутъ лишены возможности обманывать государя, перестанутъ быть самодержцами и подпадутъ подъ контроль общественнаго мнѣнія. Во чтобы то ни стало надо разстроить эту «затѣю».

Витте выполнилъ эту задачу легко и для министра-самодержца крайне характерно. Онъ, министръ финансовъ, которому печать вовсе не подвѣдомственна, вошелъ съ особымъ докладомъ къ Государю Императору о нуждахъ не печати, которая «ни въ чемъ не нуждается», а писателей, заработокъ которыхъ ничтоженъ и матеріальное положеніе которыхъ заслуживаетъ полнаго вниманія молодого государя, который покроетъ себя славою и плѣнитъ сердца всѣхъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, если асигнуетъ крупную сумму на удовлетвореніе нуждъ писателей. Государственное казначейство неистощимо; оно свободно можетъ отпускать для этой цѣли 50,000 руб. ежегодно. Согласно этому докладу, состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе:

въ воздаяніе заслугъ русской печати и во вниманіе къ нуждамъ писателей

1) отпускать ежегодно 50,000 руб. на воспособленіе нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ;

2) образовать для этой цѣли особый комитетъ при Академіи Наукъ.

И этотъ обманъ удался вполнѣ. Ни одна газета не осмѣлилась раскрыть предъ Государемъ карты, подтасованныя министромъ финансовъ. Мало того: газеты помѣстили хвалебные гимны по адресу Государя и Витте, между тѣмъ какъ и этотъ обманъ служитъ на пользу министровъ-самодержцевъ. (Этимъ путемъ было положено основаніе) «фонду пресмыкающихся», русскому Reptilien-Fond.

Въ чемъ же тутъ обманъ? Гдѣ фальшь? Вотъ гдѣ:

Уже болѣе 30-ти лѣтъ существуетъ въ Россіи такъ называемый Литературный Фондъ. Какъ все доброе и честное, онъ основанъ въ царствованіе Александра II и составляетъ одно изъ отраднѣйшихъ явленій русской общественной жизни. Членами этого «Общества для вспомоществованія недостаточнымъ ученымъ и писателямъ» являются, прежде всего, сами писатели и затѣмъ всѣ покровители просвѣщенія, не исключая царской фамиліи, постоянно жертвующей значительныя суммы въ это общественное учрежденіе. Литературный Фондъ расходуетъ ежегодно около 25,000 рублей и, что самое главное, расходуетъ «не зря на лица»: ни народность или религія писателя, ни его литературныя тенденціи или политическія убѣжденія не имѣютъ для Литературнаго Фонда никакого значенія—всякій, доказавшій, что онъ писатель и находится въ нуждѣ, получаетъ посильное вспомоществованіе.

Литературный Фондъ ни отъ кого не зависитъ и дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно; его дѣятельность подчинена строгому контролю ревизіонной коммиссіи, избираемой изъ членовъ общества. Та-

кое общественное учрежденіе не можетъ, конечно, нравиться министрамъ-самодержцамъ, безсильнымъ оказывать на него свое растлѣвающее вліяніе. Еслибъ Витте дѣйствительно сострадалъ нуждамъ писателей, онъ посовѣтовалъ-бы Государю Императору вносить ежегодно въ Литературный Фондъ, вмѣсто обычной тысячи рублей, въ 50 разъ болѣе; но, нѣтъ! министръ финансовъ рекомендовалъ учрежденіе особаго офиціальнаго комитета, безъотвѣтственнаго и безконтрольнаго, при Академіи Наукъ, неимѣющей никакого отношенія къ «злобамъ дня», составляющимъ главнѣйшій объектъ печати вообще и періодической особенно.

Цѣль ясна и задача проста. Въ академическомъ комитетѣ, какъ учрежденіи оффиціальномъ, помощь оказывается смотря по направленію писателя и сообразно съ административной аттестаціей нуждающагося. Это тотъ-же германскій Reptilien-Fond, только перенесенный на русскую почву. Не долга дѣятельность академическаго комитета и покрыта она канцелярскою тайной — тѣмъ не менѣе она обнаружилась уже вполнѣ и ни для кого не секретъ, что только лица, рекомендованныя администраціей и состоящія на хорошемъ счету въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, т. е. писатели, признающіе самодержавіе министровъ, не получаютъ отказа въ своихъ просьбахъ, обращенныхъ въ комитетъ; чтобъ получить пособіе отъ академическаго комитета необходимо быть, вопервыхъ, благонадежнымъ по взгляду квартальнаго, и, вовторыхъ, чисто русскимъ — не евреемъ, не полякомъ, не нѣмцемъ, не армяниномъ *).

*) Здѣсь въ Берлинѣ лечился въ прошломъ году докторъ медицины еврей Ковнеръ, изъ Кіева, авторъ многотомной «Исторіи медицины». Онъ передавалъ намъ слѣдующій фактъ: боль-

Въ то самое время, когда газеты «Чего изволите» писали диөирамбы вновь учрежденному «фонду пресмыкающихся», ходатайство русскихъ писателей было представлено Государю Императору. По мнѣнію министровъ, такое ходатайство, вслѣдъ за милостивымъ пожертвованіемъ государя, являлось просто дерзостью! Между тѣмъ, русскіе писатели нуждаются не въ матеріальной помощи, не въ денежныхъ подачкахъ, а въ признаніи ихъ труда законнымъ, въ дарованіи имъ возможности трудиться. Имъ негдѣ писать и не о чемъ писать—администрація преслѣдуетъ независимые органы и запрещаетъ писать о наиболѣе интересующихъ общество вопросахъ. Еслибъ правительство вняло ходатайству, писатели нашли бы себѣ работу и не было бы нужды въ пожертвованіи 50,000 рублей ежегодно. Вотъ для чего министру Витте нужны были три недѣли: онъ въ это время выработалъ проектъ и осуществилъ учрежденіе «фонда пресмыкающихся», чѣмъ и парализовалъ прошеніе писателей. Такимъ образомъ, въ итогѣ оказалось: ходатайство писателей отклонено, а учрежденъ «фондъ пресмыкающихся».

Жалкій, пошлый итогъ! Каждый честный боецъ
Не отдастъ за него свой терновый вѣнецъ.

ной, безъ гроша денегъ, онъ обратился въ академическій комитетъ съ просьбою о пособіи; послѣ долгихъ ожиданій, его братъ, проживающій въ Петербургѣ, былъ вызванъ въ Академію Наукъ для полученія единовременнаго пособія, назначеннаго брату въ размѣрѣ 100 рублей; расписываясь въ шнуровой книгѣ, онъ видѣлъ, что въ томъ же засѣданіи Академія Наукъ постановила выдать г-жѣ Х. 300 рублей. Кто же такая г-жа Х.? Это сотрудница „Новаго Времени“, составляющая порнографическіе фельетоны, женщина, если и нуждающаяся, то лишь въ болѣе серьезномъ отношеніи къ явленіямъ жизни и произведеніямъ печати. Но Х. русская, а Ковнеръ—еврей. Мы называемъ имена живыхъ людей—пусть Академія опровергнетъ, если можетъ, сообщаемый нами фактъ, не дѣлающій ей чести.

Прочитавъ ходатайство и записку русскихъ писателей, молодой императоръ, прямой и честный, увидѣлъ, что рѣчь идетъ вовсе не о матеріальныхъ нуждахъ писателей, а о беззаконномъ положеніи печати; своимъ яснымъ здравымъ смысломъ онъ сознавалъ, что учрежденіе по докладу Витте академическаго комитета ни мало не согласуется съ ходатайствомъ писателей; онъ, вѣроятно, чуялъ неправду и, желая избѣжать обмана, поручилъ разсмотрѣть ходатайство писателей не одному министру внутреннихъ дѣлъ, вѣдомству котораго принадлежитъ печать, а совмѣстно съ министромъ юстиціи и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода *). Это нисколько не измѣнило дѣла: министры всѣ солидарны и берегутъ шкуру своихъ товарищей, какъ свою собственную. 12 марта 1895 года городовой Литейной части, по мѣсту жительства Бильбасова, принесъ ему только для прочтенія, даже безъ права снять копію, увѣдомленіе министра внутреннихъ дѣлъ, что три высшіе чиновника, назначенные Государемъ Императоромъ, разсмотрѣвъ ходатайство русскихъ писателей, нашли его незаслуживающимъ никакого вниманія и что Государь Императоръ соизволилъ высочайше утвердить такое мнѣніе гг. Дурново, Муравьева и Побѣдоносцева.

*) О министрѣ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново мы уже говорили. Министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ—ничтожный чиновникъ, способный облекать служащихъ по его вѣдомству въ форменные костюмы и увлекаться . . . . Его многократныя женитьбы, какъ и процессъ съ роднымъ отцомъ, характерны и назидательны. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ—умный и образованный человѣкъ: въ этомъ его достоинства; его недостатокъ, губящій всѣ его достоинства—человѣконенавистничество, вслѣдствіе чего онъ всегда имѣлъ лишь тлетворное вліяніе на всѣ дѣла, которыхъ касался: жизнерадостность онъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ.

Это рѣшеніе знаменательно—оно сразу разрушило всѣ иллюзіи общества и окончательно опредѣлило направленіе новаго (періода). Теперь уже не могло быть двухъ мнѣній: (власть) добровольно отрекалась отъ возможности самодержавно управлять страною и всецѣло подчинила себя волѣ своихъ министровъ, предоставляя имъ полную самостоятельность, безотвѣтственную и безконтрольную. Не будучи пророкомъ, легко уже было предсказать, что министры воспользуются въ полной мѣрѣ такимъ рѣшеніемъ: а они, министры-самодержцы, будутъ управлять страною.

Прошло всего лишь два года со времени этого знаменательнаго рѣшенія, и предсказанія оправдались вполнѣ.

Александръ III, мрачный и суровый, вступившій на престолъ по трупу отца, во всѣ 13 лѣтъ своего царствованія все чего-то опасался, всѣхъ подозрѣвалъ и подчинился вполнѣ министрамъ. Пугая и застращивая его, министры дѣлали, что хотѣли и скоро министры стали самодержцами, а императоръ только царствовалъ, предоставивъ имъ управлять страною. Сообразно характеру Александра III, министры предлагали ему только ре-

---

Его послѣднее изданіе—«Московскій Сборникъ», такъ расхваленный покупною печатью, особенно же «Новымъ Временемъ», есть самый пошлый плагіатъ, причемъ три статьи (взяты) изъ одного русскаго изданія и восемь изъ сочиненія Нордау, въ чемъ нетрудно убѣдиться, сличивъ русскій переводъ съ нѣмецкимъ оригиналомъ. Вотъ до чего доходятъ безъотвѣтственные и безконтрольные министры, увѣренные. что, русская подневольная печать не посмѣетъ разоблачить ихъ! Но Побѣдоносцевъ вполнѣ разоблаченъ въ книгѣ «Церковные вопросы въ Россіи», изданной въ Браиловѣ, хотя и на русскомъ языкѣ.

акціонныя мѣры, обуздывая мысль, слово, совѣсть русскихъ людей, стѣсняя промышленность и торговлю, уничтожая всѣ реформы Александра II, провозглашая реакцію по всей линіи. Не добромъ помянетъ Россія этотъ прошлый (періодъ).

Николай II не Александръ III. Онъ молодъ, полонъ жизни; его веселый нравъ, его любезная обходительность ни мало не напоминаютъ отца. Но (по прежнему) министры управленіе страною предоставляютъ всецѣло себѣ. Министры стараются придать какое-то фолишонное направленіе правительственной дѣятельности. Скоро уже три года, и во все это время ни одной серьезной мѣры, ни одного важнаго вопроса по внутренней политикѣ—только музыка, иллюминаціи, балетъ, фейерверки, и празднества безъ конца. За дымомъ фейерверковъ и блескомъ иллюминацій, не видно бѣдствующей Россіи; за звуками Марсельезы и народнаго гимна не слышно стоновъ россіянъ. Никто въ правительствѣ ничего не дѣлаетъ, всѣ только веселятся. Коронація, нижегородская выставка, путешествіе по Европѣ, пріемъ чужестранныхъ властителей — рядъ празднествъ, тріумфальныхъ арокъ, иллюминацій, и больше ничего. Даже ходынская катастрофа не образумила...

Былъ, однако, моментъ, когда надежда блеснула и порадовала патріотовъ: слѣдствіе по ходынской катастрофѣ было поручено не генералъ-прокурору, не ничтожному Муравьеву, а дѣятелю временъ Александра II, бывшему министру юстиціи графу Палену. Правдивый, честный нѣмецъ, мужъ вполнѣ государственный, гр. Паленъ прямо указалъ Государю на корень зла — назначеніе на высшія должности, ни къ чему неспособныхъ, только прикрывающихъ собою всяческія безобразія

и растлѣвающихъ государственный организмъ [1]).
Но все осталось по прежнему: (безотвѣтственный генералъ-губернаторъ) остался въ Москвѣ, несмотря на негодованіе москвичей, и Муравьевъ остался министромъ юстиціи, несмотря на такое явное недовѣріе къ нему Государя...

Все это возможно и мыслимо только при томъ положеніи русской печати, въ которомъ она находится. Русская печать, связанная по рукамъ и ногамъ, находится въ полной зависимости отъ министровъ: въ ней печатается только то, что угодно тому или другому министру, и горе издателю, неугодившему одному изъ сихъ самодержцевъ! «Гласность» подверглась карѣ по требованію министра иностранныхъ дѣлъ; благодаря министру внутреннихъ дѣлъ, «Лучъ» долженъ былъ прекратить свое существованіе, несмотря на то, что въ первые же мѣсяцы пріобрѣлъ десятки тысячъ подписчиковъ, и т. д.

Можетъ-ли (верховная власть) знать правду при такомъ положеніи печати? Неужели въ русскомъ обществѣ не нашлось-бы ни одного голоса противъ противной интересамъ Россіи русской политики въ греко-турецкомъ спорѣ? Неужели русскіе люди признаютъ справедливою трату мильоновъ на поддержаніе выродившагося, полусгнившаго русскаго дворянства? Неужели не позорна чеканка монеты въ кредитной валютѣ? Неужели царящій повсюду [2]) непотизмъ не возбуждаетъ ни

---

[1]) Наше морское вѣдомство лучшій тому примѣръ: „Русалка“, „Сысой Великій“ и „Гангутъ“ громко вопіютъ о негодности (безотвѣтственныхъ) генералъ-адмираловъ, такъ дорого стоющихъ русскому флоту.

[2]) Во истину „повсюду“. Приведемъ три только примѣра изъ трехъ совершенно разныхъ сферъ: 1) на постройкѣ русско-китайской желѣзной дороги родственники министра путей со-

въ комъ омерзенія? Неужели безсовѣстная покупка имѣнія гр. Воронцова-Дашкова, министра двора, была бы возможна при печати, независимой отъ министра финансовъ Витте, совершившаго эту сдѣлку? Неужели министры могли бы обманывать Государя, еслибъ печать зависѣла отъ закона, а не отъ министровъ?

На послѣдній вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ. Въ интересахъ русскаго самодержавія — самодержавія главы государства, а не министровъ — мы предаемъ гласности послѣдній благородный порывъ лучшихъ въ Россіи ученыхъ, писателей и публицистовъ. Мы помѣщаемъ ниже:

1) всеподданнѣйшее ходатайство русскихъ писателей.
2) записку о нуждахъ печати и
3) мартирологій русской печати.

Изъ этихъ трехъ документовъ явствуетъ до очевидности скромность русскихъ писателей и безстыдство самодержавныхъ министровъ. Въ концѣ XIX столѣтія, въ странѣ, все таки, болѣе европейской, чѣмъ азіятской, писатели просятъ издать законъ о печати и правительство имъ въ этомъ отказываетъ, находя болѣе выгоднымъ беззаконное положеніе печати!

Очень любопытенъ мартирологій русской печати. Читая его, вчужѣ становится обидно, и не столько за русскую печать, которой рѣшительно все запрещено, сколько за страну, въ которой безстыдство министровъ не знаетъ предѣловъ. Сообразно своимъ интересамъ, эти маленькіе само-

---

общенія кн. Хилкова получаютъ многотысячные оклады; 2) (въ одномъ ученомъ учрежденіи) сынъ занимаетъ мѣсто вице-директора; и 3) родственники режисера французской труппы заполонили всю сцену Михайловскаго театра.

держцы заставляли Александра III дѣлать пользуясь его (нерасположеніемъ) ко всему, что было сдѣлано его отцомъ, блаженной памяти императоромъ Александромъ II. Такъ, указомъ отъ 23 января 1875 года, былъ воспрещенъ безнравственный тотализаторъ—гр. Воронцовъ-Дашковъ, ставъ министромъ двора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главноуправляющимъ государственнаго коннозаводства, убѣдилъ дозволить тотализаторъ, который теперь царитъ по всей Россіи, деморализуя посѣтителей бѣговъ и скачекъ; 4 августа 1876 года состоялось высочайшее повелѣніе, воспрещавшее измѣнять историческія названія мѣстностей, причемъ, въ видѣ примѣра, прямо указывалось, что Дерптъ нельзя называть Юрьевымъ—въ 1892 году новое высочайшее повелѣніе обязываетъ писать Дерптъ Юрьевымъ, и т. п.

Судя по мартирологію. русской печати запрещено все то, что интересуетъ русское общество; цензура дозволяетъ всякія порнографическія статьи, даже брошюры, но зорко слѣдитъ, чтобы печать не сообщала ничего, разоблачающаго невѣжество министровъ, особенно же ихъ корыстныя цѣли. Удивляться-ли, что, при такихъ условіяхъ, русская печать болѣе занимается иностранными дѣлами, чѣмъ отечественными? Возьмите любую русскую газету — вы найдете въ ней брань на кн. Бисмарка, выговоры маркизу Салисбери, наставленія итальянскому премьеру Криспи, а относительно русскихъ министровъ только телеграммы объ ихъ поѣздкахъ по Россіи и гимны по поводу ихъ застольныхъ рѣчей, передаваемыхъ дословно, по присылаемымъ въ редакціи текстамъ; ни слова не говоря о неурожаѣ, о стачкахъ рабочихъ, о преслѣдованіяхъ за вѣру, газеты полны нападокъ на

земскія и городскія учрежденія, уродуютъ судебную реформу 1864 года, костятъ малѣйшее проявленіе даже самостоятельности, не только свободы мысли или чувства, не говоря уже слова или дѣйствія. Подражая министрамъ, газеты устремились на наживу, обложивъ сборами всѣ свои отзывы, сдѣлавъ рекламу господствующею. Въ Петербургѣ громко говорятъ о поборахъ, собираемыхъ рецензентами, въ Москвѣ продажность газетъ развита еще болѣе и вырождается уже въ шантажъ.

Защитники беззаконнаго положенія русской печати достигли своей цѣли. Ея отзывамъ никто уже не вѣритъ, къ ея голосу никто не прислушивается. Гг. министры-самодержцы могутъ спать спокойно.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ

ПРОШЕНІЕ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Ваше Императорское Величество

Всемилостивѣйшій Государь!

На всеподаннѣйшемъ докладѣ г. министра юстиціи о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, Августѣйшему Родителю Вашему, незадолго до Его кончины, угодно было въ собственноручной надписи выразить желаніе, «чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи».

Въ милостивомъ манифестѣ отъ 14-го ноября всѣ подданные Ваши съ упованіемъ усмотрѣли, что Ваше Величество «поставляете правосудіе основою народнаго благоденствія».

Въ словахъ этихъ почерпаемъ мы смѣлость утруждать вниманіе Вашего Величества своею всеподаннѣйшею просьбою.

Государь! Въ составѣ Вашихъ подданныхъ есть цѣлая профессія, стоящая внѣ правосудія — профессія литературная. Мы, писатели, или совсѣмъ лишены возможности путемъ печати служить своему отечеству, какъ намъ велитъ совѣсть и долгъ, или же внѣ законнаго обвиненія и законной защиты, безъ слѣдствія и суда, претерпѣваемъ кары, доходящія даже до прекращенія цѣлыхъ изданій. Про-

стыми распоряженіями администраціи изъемлются изъ круга печатнаго обсужденія вопросы нашей общественной жизни, наиболѣе нуждающіеся въ правильномъ и всестороннемъ освѣщеніи; простыми распоряженіями администраціи изъемлются изъ публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія книги, вообще цензурою незапрещенныя и находящіяся въ продажѣ.

Весь образованный міръ уже признаетъ великое значеніе русской литературы. Благоволите же, Государь, принять ее подъ сѣнь закона, дабы закону лишь подчиненное и отъ непосредственнаго воздѣйствія цензуры свѣтской и духовной закономъ же огражденное, русское печатное слово могло, въ мѣру своихъ силъ, послужить славѣ, величію и благоденствію Россіи.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданные

Альбовъ, Михаилъ.
Андреевскій, Сергѣй.
Антоновичъ, Максимъ.
Арсеньевъ, Константинъ
Баранцевичъ, Казиміръ.
Бакетовъ, Андрей.
Бильбасовъ, Василій.
Бродовскій, Маркъ.
Буличъ, Сергѣй.
Бѣловъ, Евгеній.
Вагнеръ, Николай.
Василевскій, Ипполитъ.
Ватсонъ, Марія.
Вейнбергъ, Петръ.

Венгеровъ, Семенъ.
Висковатовъ, Павелъ.
Водовозова, Елизавета.
Волконскій, кн. Михаилъ.
Вольфъ, Александръ.
Гайдебуровъ, Василій.
Гаринъ, Николай.
Гаршинъ Евгеній.
Градовскій, Григорій.
Григоровичъ, Дмитрій.
Гуревичъ, Яковъ.
Загуляевъ, Михаилъ.
Зотовъ, Владиміръ.
Карповъ, Евтихій.
Карѣевъ, Николай.
Кауфманъ, Александръ.
Котляревскій, Несторъ.
Кояловичъ, Михаилъ.
Кривенко, Сергѣй.
Латкинъ, Василій.
Лебедевъ, Василій.
Лейкинъ, Николай.
Лесевичъ, Владиміръ.
Лѣсковъ, Николай.
Маминъ-Сибирякъ, Дмитрій.
Манассеинъ, Вячеславъ.
Меньшиковъ, Михаилъ.
Минцловъ, Рудольфъ.
Михайловскій, Николай.
Михенвичъ, Владиміръ.
Мордовцевъ, Даніилъ.
Мякотинъ, Венедиктъ.
Немировичъ-Данченко, Василій.
Нотовичъ, Осипъ.
Оболенскій, Леонидъ.

Пантелѣевъ, Логинъ.
Песковскій, Матвѣй.
Полонскій, Леонидъ.
Поповицкій, Александръ.
Потанинъ, Григорій.
Пятковскій, Александръ.
Рубакинъ, Николай.
Сѣѣшниковъ, Митрофанъ.
Семевскій, Василій.
Сементковскій, Ростиславъ.
Сиповскій, Василій.
Скабичевскій, Александръ.
Слонимскій, Леонидъ.
Слѣпцовъ, Александръ.
Смирнова, Софья.
Спасовичъ, Владиміръ.
Станюковичъ, Константинъ.
Субботинъ, Андрей.
Тихоновъ (Луговой), Александръ.
Трачевскій, Александръ.
Фанъ-деръ-Флитъ, Петръ.
Хирьяковъ, Александръ.
Чуйко, Владиміръ.
Шапиръ, Ольга.
Шубинскій, Сергѣй.
Щепкина, Екатерина.
Щепотьевъ, Сергѣй.
Южаковъ, Сергѣй.
Яроцкій, Василій.

Настоящее всеподданнѣйшее прошеніе вѣримъ подать Василію Алексѣевичу Бильбасову, доктору исторіи, статскому совѣтнику, жительствующему

въ С.-Петербургѣ, по Литейной улицѣ, домъ № 36.

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, жительствующій въ Петербургѣ, по Мойкѣ, № 13.

Андрей Николаевичъ Бекетовъ, тайный совѣтникъ, жительствующій на Васильевскомъ Островѣ, по 2-й линіи. д. № 11—6.

Семенъ Аѳанасьевичъ Венгеровъ, кандидатъ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, жительствующій по Серпуховской, д. № 2.

Григорій Константиновичъ Градовскій, коллежскій совѣтникъ, жительствующій по Бассейной улицѣ, д. № 20.

Матвѣй Леонтьевичъ Песковскій, кандидатъ физико-математическаго факультета, жительствующій на Васильевскомъ Островѣ, Средній Проспектъ, домъ № 46.

8-е января 1895 г.
С.-Петербургъ.

Нижеподписавшіеся, проживающіе въ Москвѣ, симъ удостовѣряютъ, что они присоединяются къ всеподданнѣйшему прошенію, подписанному 78-ю петербургскими писателями, подать которое уполномоченъ В. А. Бильбасовъ.

Анненскій, Николай.
Анофріевъ, Владиміръ.
Балталонъ, Петръ.
Бларамбергъ, Павелъ.
Бальмонтъ, Константинъ.
Вернадскій, Владиміръ.
Виноградовъ, Павелъ.
Владиславлевъ, Владиміръ.

Водовозовъ, Николай.
Вокачъ, Николай.
Герценштейнъ, Михаилъ.
Гольцевъ, Викторъ.
Гранатъ. Игнатій.
Гротъ, Николай.
Ермиловъ, Владиміръ.
Златовратскій. Николай.
Ивановъ, Иванъ.
Иванюковъ, Иванъ.
Каблуковъ, Николай.
Казанскій. Иванъ.
Каллашъ, Владиміръ.
Корелинъ, Михаилъ.
Лавровъ, Вуколъ
Лукинъ. Александръ.
Медвѣдевъ, Левъ.
Милюковъ, Павелъ.
Невѣжинъ, Петръ.
Немировичъ-Данченко, Владиміръ.
Поповъ, Александръ
Ремезовъ, Митрофанъ.
Сергѣенко, Петръ.
Стороженко, Николай.
Сумбатовъ, князь Александръ.
Тихомировъ, Дмитрій.
Чеховъ, Антонъ.
Эфросъ, Наумъ.

27 февраля 1895 г.
Москва.

ЗАПИСКА

О НУЖДАХЪ

РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Содержаніе

прилагаемой къ всеподданнѣйшему прошенію записки:

1) О выполненіи возвѣщеннаго еще въ 1882 г. пересмотра дѣйствующихъ постановленій о печати, и

2) О преслѣдованіи нарушеній по дѣламъ печати въ судебномъ порядкѣ, согласно закону 6 апрѣля 1865 года.

О пересмотрѣ законовъ о печати.

Съ 1865 года, съ изданія закона 6-го апрѣля, русское печатное слово пріобрѣло нѣкоторую долю независимости и свободы. Съ того времени, однако, законодательство о печати не только не совершенствовалось, но во многихъ отношеніяхъ вернулось къ прежнимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ гласности и свободы обсужденія. Практическое примѣненіе законовъ о печати еще болѣе усилило недостатки юридическаго ея положенія. Во всей Европѣ и въ образованнѣйшихъ государствахъ всего міра печать подчинена лишь ограниченіямъ закона и воздѣйствію суда; у насъ она находится или въ полной зависимости отъ цензуры, или подъ дѣйствіемъ такихъ административныхъ взысканій и мѣръ, которыя въ иныхъ случаяхъ тяжелѣе и неблагопріятнѣе для гласности и свободы обсужденія, а тѣмъ болѣе для издательской и литературной собственности, нежели предварительная цензура въ самыя строгія времена ея проявленія.

Въ 1880 году была учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, для улучшенія законовъ о печати; въ засѣданія этой комиссіи призывались въ качествѣ «свѣдущихъ людей» представители печати, но труды ея были прерваны. Взамѣнъ этого, въ 1882 году

(27 августа) были изданы «временныя правила» относительно печати изъятой отъ цензуры, которыя, соотвѣтственно тогдашнимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, признавались необходимыми «впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ постановленій о печати». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 12 лѣтъ, а исключительныя и «временныя правила» не только продолжаютъ свое дѣйствіе, но и введены, путемъ кодификаціи, въ дѣйствующій «уставъ о цензурѣ и печати» (томъ XIV Св. Зак.).

Услуги, оказываемыя русской печатью, вліятельное положеніе ея, пріобрѣтенное талантами, знаніями и добросовѣстностью виднѣйшихъ русскихъ писателей, не только въ нашей общественной жизни, но и за предѣлами Россіи, даютъ основаніе желать, чтобы осуществился, наконецъ, возвѣщенный еще въ 1880 году и подтвержденный въ 1882 году, въ виду предстоящей необходимости, пересмотръ въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующаго «Устава о цензурѣ и печати», для уравненія ея съ положеніемъ журналистики въ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ, на основахъ законности и правосудія.

1. Дѣйствующія постановленія о печати.

Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года (носившій, въ свою очередь, *временный* характеръ) создалъ раздѣленіе русской печати на два главныхъ отдѣла: подцензурную и изъятую отъ предварительной цензуры. Освобожденіе отъ цензуры распространяется лишь на нѣкоторую часть столичной печати; вся же провинціальная печать и значительная часть столичной *не пользуется закономъ 1865 г. и со-*

стоитъ подъ цензурой. Такъ какъ общее улучшеніе юридическаго положенія печати зависитъ отъ пересмотра постановленій о безцензурной печати, т. е. закона 6 апрѣля 1865 года и послѣдовавшихъ въ немъ измѣненій, то важнѣе всего остановиться на этихъ узаконеніяхъ и условіяхъ ихъ примѣненія.

Разрѣшеніе книгъ и повременныхъ изданій. До 1865 года разрѣшеніе изданія книгъ зависѣло отъ цензуры и тѣхъ вѣдомствъ. которыхъ касалось содержаніе сочиненій. Съ 1865 года дозволено издавать книги (оригинальныя до 10 печатныхъ листовъ, а переводныя до 20-ти) *безъ предварительной цензуры* по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ подлежащихъ духовной цензурѣ. Администраціи, однако, предоставлено не выпускать книги изъ типографіи, если содержаніе книги вредно или преступно. Такая книга можетъ быть уничтожена или судомъ (независимо отъ наказанія виновнаго автора или издателя) или комитетомъ министровъ. На провинцію правила эти вовсе не распространяются, почему изданіе безцензурныхъ книгъ сосредоточивается исключительно въ столицахъ. Разрѣшеніе повременныхъ изданій, зависѣвшее прежде отъ Высочайшаго соизволенія и, вообще, представлявшее не мало трудностей, предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ. По существу дѣла, всѣ подобныя разрѣшенія должны создавать издательское право для всѣхъ безупречныхъ гражданъ и входить въ область гражданскихъ законовъ; недозволеніе издательской дѣятельности равносильно лишенію или ограниченію гражданскихъ правъ; оно можетъ являться лишь исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Такъ и смотрѣли многіе министры на предоставленное имъ право разрѣшенія изданій, но бывали примѣры и обратныхъ усмот-

рѣній. Проходили иногда періоды въ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ вовсе и никому не разрѣшалось новыхъ изданій. Кромѣ того, по прямому указанію закона (ст. 122 Уст. о ценз. и печ.) разрѣшенное изданіе можетъ свободно переходить въ другія руки; для законности этого перехода требуется лишь простое заявленіе отъ стараго и новаго издателей; но Главное Управленіе по дѣламъ печати уничтожило это право, требуя отъ издателя подписку въ томъ, что онъ не передастъ изданія другому лицу безъ особаго разрѣшенія.

Вслѣдствіе такой неопредѣленности и шаткости издательскаго права, оно превращается въ привиллегію, а разрѣшенія пріобрѣтаютъ значеніе *концессій*. Число періодическихъ, особенно политическихъ, изданій не только не возростаетъ, не смотря на приростъ населенія и увеличивающуюся потребность въ чтеніи, но даже уменьшается. Такъ, въ Петербургѣ въ настоящее время гораздо меньше политическихъ газетъ, нежели въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ.

Обезпечивается ли этимъ концессіоннымъ способомъ выдачи разрѣшеній хотя нравственная и умственная доброкачественность издателей? Этого не только нельзя сказать, но достаточно сравнить нынѣшнихъ издателей съ прежнимъ ихъ составомъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ прежнія времена издателями журналовъ и газетъ были сами писатели; въ настоящее время въ это литературное дѣло все болѣе и болѣе вторгается промышленникъ, сообщая изданію промышленное направленіе. Многіе писатели даже не покушаются на издательское дѣло, въ виду шаткости издательскаго права, и обречены на роль вѣчно зависи-

мыхъ работниковъ; за то имѣются другіе, которые спекулируютъ выдаваемыми имъ разрѣшеніями, не смотря на не разъ доказанную уже на опытѣ несостоятельность ихъ передъ подписчиками.

Подобная же неопредѣленность господствуетъ и въ редакторскомъ правѣ. Бывали случаи, когда изданію отказывалось въ утвержденіи цѣлаго ряда редакторовъ, безъ объясненія причинъ отказа.

Выдающимся примѣромъ въ этомъ родѣ служитъ исторія, разыгравшаяся съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями», при переходѣ ихъ, съ дозволенія надлежащаго вѣдомства, въ руки г. Баймакова. Нравственный и умственный цензъ редакторовъ, въ свою очередь, скорѣе понизился, нежели возвысился. Нѣкоторые изъ нихъ прямо являются въ подставной роли.

Запрещеніе изданій. По закону 6 апрѣля 1865 года и по дѣйствующему уставу, запрещеніе изданія, обнаруживающаго вредное направленіе, принадлежитъ власти Правительствующаго Сената (по первому департаменту) или же суду, въ случаѣ преступленія. По суду не было прекращено ни одного повременнаго изданія; при посредствѣ же Правительствующаго Сената была запрещена лишь газета «Москва» покойнаго И. С. Аксакова. Такимъ образомъ, ст. 148 «Устава о цензурѣ и печати», хотя и не отмѣнена, но оставляется въ полномъ бездѣйствіи. До 1882 года, если нѣкоторыя изданія и были запрещены, то по всеподданнѣйшимъ докладамъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а съ 1882 года, по соглашенію четырехъ министровъ, указанныхъ во «Временныхъ правилахъ» 27 августа. Но помимо прямого запрещенія, многія повременныя изданія прекратили свое существованіе не вслѣдствіе явно установленнаго вред-

наго направленія ихъ, а вслѣдствіе непосильной тяжести налагаемыхъ на нихъ административныхъ взысканій или физической невозможности подчиненія «временнымъ правиламъ» 1882 года, которыя требуютъ, чтобъ ежедневная газета была отпечатана и представлена въ подлежащія учрежденія не позже 11 часовъ вечера предшествующаго дню выхода. Это требованіе лишаетъ газету возможности своевременно помѣщать всѣ вечернія извѣстія и телеграммы. Подъ давленіемъ подобныхъ мѣръ и каръ прекратили свое существованіе, въ числѣ многихъ другихъ, газеты: «Молва», «Порядокъ» и «Голосъ», изъ которыхъ послѣдній имѣлъ самое широкое распространеніе и оцѣнивался по меньшей мѣрѣ въ три милліона рублей, а «Молва» обошлась своему издателю въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Помимо нравственной и умственной стороны, заключающейся въ прекращеніи или ограниченіи литературной дѣятельности, подобныя потери въ издательскомъ дѣлѣ, вызываемыя простыми административными распоряженіями, безъ слѣдствія, защиты и суда, не могутъ не колебать чувства законности и начала собственности. Въ большинствѣ подобныхъ случаевъ являлись: разореніе издателей-писателей, неспособныхъ обращать литературное призваніе свое въ промышленное дѣло, самое безъисходное, угнетенное положеніе цѣлой группы сотрудниковъ, и безработица для всѣхъ служащихъ въ конторахъ и типографіи погибшаго изданія.

Административныя взысканія. По закону 1865 года установлено лишь одно административное взысканіе для освобожденныхъ отъ цензуры повременныхъ изданій, въ формѣ *предостереженій,*

при чемъ третье предостереженіе влечетъ *пріостановку* изданія на срокъ до шести мѣсяцевъ.

Эта форма взысканій заимствована изъ французскаго закона о печати временъ второй имперіи и въ настоящее время не существуетъ ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ.

Право *предостереженій* предоставлено единоличной власти министра внутреннихъ дѣлъ. Неудобства такого единоличнаго руководства общимъ направленіемъ русской мысли, зависящія отъ взглядовъ и переходящихъ усмотрѣній одного министра, не разъ сообщали печати весьма одностороннее направленіе и создали неодинаковость отношеній ея къ тѣмъ или другимъ вѣдомствамъ, учрежденіямъ, дѣйствующимъ законамъ и предметамъ обсужденія. Относительно внѣшней политики, финансовъ, суда и даже высшихъ государственныхъ установленій печать фактически пріобрѣла несравненно болѣе свободы, права оглашенія и критики, нежели относительно учрежденій и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, особенно со временъ упраздненія III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Въ то время, какъ дѣятельность министерствъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, а одно время и военнаго, подвергалась не разъ самой придирчивой критикѣ, дѣйствія полиціи, общей и врачебной, не исключая даже урядниковъ, почти совершенно изъяты изъ гласности, голодъ, эпидеміи и эпизоотіи не разъ незамѣтно и врасплохъ застигали Россію вслѣдствіе такой односторонности въ фактическомъ осуществленіи правъ и обязанностей печати, а дѣятельность суда, общественныхъ учрежденій, земствъ и городскихъ думъ получала невыгодное освѣщеніе сравнительно съ

административною и бюрократическою дѣятельностью.

Система «предостереженій», влекущихъ за собою пріостановку изданія, помимо указаннаго уже разорительнаго значенія ея, отличающаяся всѣми элементами случайности и неравномѣрности взысканія, падающая не только на прямыхъ виновниковъ «вреднаго направленія», но на всѣхъ причастныхъ къ изданію и на имущественное положеніе многихъ семействъ, усиливаетъ свои неудобства тѣмъ еще обстоятельствомъ, что въ законѣ *не опредѣлено никакой давности* для обязательной ихъ силы. Случалось не разъ, что *третье* предостереженіе, влекущее за собою пріостановку изданія, дѣлалось много лѣтъ спустя послѣ первыхъ двухъ; этотъ продолжительный промежутокъ времени, наглядно указывающій на полное желаніе изданія не противорѣчить взглядамъ администраціи, нисколько не смягчаетъ и не устраняетъ тяжести послѣдствій, соединенныхъ съ третьимъ предостереженіемъ, а между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ обнаруживалось, что первыя два предостереженія, сохраняющія свою карательную силу, даны за тѣ взгляды или оглашеніе такихъ фактовъ, которые признаются или установлены въ данное время Правительствомъ. Такъ, напримѣръ, при отсутствіи давности, сохраняли свою силу предостереженія, данныя за осужденіе политики бывшаго болгарскаго князя, принца Александра Баттенбергскаго, за разоблаченіе уфимской раздачи участковъ, за указанія на пользу разныхъ съѣздовъ, за мнѣнія о малоземеліи или упадкѣ крестьянскаго хозяйства, за сомнѣнія въ плодотворности гимназической реформы 70-хъ годовъ и т. п. Неудобства безграничности дѣйствія первыхъ двухъ предосте-

реженій не разъ вызывали сложеніе ихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, но такая амнистія по дѣламъ печати послѣдовала въ послѣдній разъ 16-го декабря 1877 года. Въ настоящее время почти всѣ наиболѣе распространенныя и вліятельныя газеты и многіе журналы находятся подъ дѣйствіемъ *двухъ предостереженій,* изъ которыхъ первыя насчитываютъ за собою 10—15 лѣтъ. Недостатки этой карательной системы, равносильной фактической отмѣнѣ правъ, дарованныхъ печати закономъ 6-го апрѣля 1865 года, сознаются, очевидно, и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое въ послѣднее время прибѣгаетъ къ вовсе неустановленной въ законѣ формѣ воздѣйствія на *свободную* печать, въ видѣ *внушеній,* изъ которыхъ гласное послѣдовало относительно «Новаго Времени», годъ тому назадъ, по поводу статей о морскомъ цензѣ, а остальныя, сопровождаемыя угрозами, дѣлаются келейно, при посредствѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати или даже цензурнаго Комитета.

Пріостановка изданій за нарушеніе циркуляровъ. Въ 1873 году 16-го іюня послѣдовалъ законъ слѣдующаго содержанія: «Если по соображеніямъ *высшаго правительства* найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, *въ теченіе нѣкотораго времени,* какого-либо *вопроса государственной важности,* то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ» (ст. 140 Уст. о ценз. и печ.). На случай нарушенія этихъ распоряженій Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется останавливать изданіе на срокъ до трехъ мѣсяцевъ (ст. 156).

Еслибы законъ 1873 года соблюдался въ точности, въ установленныхъ имъ предѣлахъ и по вполнѣ ясному разуму его, то эта вторая административная кара не возбуждала бы никакихъ сомнѣній или неудобствъ. На дѣлѣ получилось, однако, совершенно иное. Весьма важные вопросы и явленія государственной и общественной жизни устранялись отъ обсужденія въ то, именно, время, когда печать могла содѣйствовать правильному и разностороннему ихъ истолкованію. Административныя распоряженія, дѣлаемыя на основаніи указаннаго закона, рѣже всего зиждутся на «соображеніяхъ *высшаго правительства*», менѣе всего относятся къ тѣмъ «*вопросомъ государственной важности*», оглашеніе которыхъ могло бы принести какой либо вредъ, и дѣйствуютъ не въ предѣлахъ «нѣкотораго времени», *а безгранично.* Вмѣсто «соображеній высшаго правительства», источниками запретительныхъ распоряженій являются нерѣдко личныя желанія того или другого начальника, даже частныхъ учрежденій и лицъ. Къ «вопросамъ государственной важности» причислялись, напримѣръ: крупный проигрышъ въ карты частнаго лица, несчастный случай на желѣзной дорогѣ, оскорбленіе, нанесенное въ дворянскомъ собраніи, городскіе выборы, неправильныя дѣйствія общественныхъ банковъ и т. п. Кандидатъ въ городскіе головы, опасающійся, что критика его дѣйствій повредитъ успѣху его избранія, исхлопатывалъ распоряженіе о воспрещеніи печати касаться этого «вопроса»; директоръ акціонернаго банка или страховаго общества, разорявшаго своихъ клiентовъ, добывалъ распоряженіе объ изъятіи дѣятельности этого акціонернаго учрежденія изъ предметовъ оглашенія и обсужденія, печатая въ то же время объявленія, рекламы и ба-

лансы, вводившіе публику въ заблужденіе. Невозможно привести въ извѣстность все число подобныхъ запретительныхъ распоряженій, которыя сообщаются лишь для прочтенія, безъ обозначенія срока дѣйствія ихъ и безъ всякихъ мотивовъ; но ихъ можно извлечь изъ дѣлъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Такъ какъ трудно упомнить, какихъ только фактовъ и вопросовъ не касаются эти безсрочные циркуляры, самое число которыхъ указываетъ, что они далеко выходятъ за предѣлы, предусмотрѣнные закономъ, — то любая газета и любой журналъ нарушаютъ эти распоряженія, основываясь лишь на томъ, что они давно послѣдовали или устранились вліянія тѣхъ лицъ, которыя исходатайствовали ихъ. Въ числѣ подобныхъ распоряженій любопытно указать на ограниченія гласности, послѣдовавшія относительно желѣзныхъ дорогъ и даже путешествій министра путей сообщенія. При посредствѣ этихъ распоряженій получается то, чего не достигается иногда путемъ предостереженій, отсутствіемъ давности для нихъ и сохраненіемъ Дамоклова меча въ видѣ двухъ предостереженій надъ большинствомъ газетъ и журналовъ.

Запрещеніе розничной продажи. Въ Уставѣ о цензурѣ перечислены всѣ тѣ административныя кары, которыя примѣнимы къ безцензурной журналистикѣ. Онѣ сводятся къ *пріостановкамъ* изданія послѣ третьяго предостереженія или за нарушеніе циркуляровъ о воспрещеніи касаться «вопросовъ государственной важности». О правѣ запрещенія розничной продажи газетъ вовсе не упоминается. Но въ отдѣлѣ о торговлѣ произведеніями печати содержится указаніе, что «Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется указывать полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ оными дозволеній на роз-

ничную продажу на улицахъ, площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ *публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ* разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій отдѣльными номерами, тѣ періодическія изданія и брошюры, которыя не должны быть допускаемы къ розничной продажѣ». Очевидно, это торговое ограниченіе относится къ тѣмъ изданіямъ, которыя по своему содержанію и постоянному направленію не должны имѣть широкаго распространенія. Но на практикѣ изъ этого ограниченія книжной торговли выработалась особая административная кара для газетъ, въ видѣ неопредѣленнаго по времени и размѣрамъ денежнаго штрафа, при чемъ запрещеніе относится къ редакціямъ, къ ихъ конторамъ, а не только къ перечисленнымъ въ законѣ «публичнымъ мѣстамъ и торговымъ заведеніямъ». Обращенное въ административную кару воспрещеніе розничной продажи дается на срокъ и безсрочно, въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ — за какіе либо промахи и мелкія нарушенія правилъ о печати, вполнѣ опредѣленныя въ законѣ и за которыя въ *судебномъ порядкѣ* полагаются незначительные денежные штрафы. Отступая отъ закона и не обращаясь къ суду, управленіе по дѣламъ печати замѣняетъ эти незначительные и легальныя взысканія неопредѣленнымъ и часто весьма разорительнымъ денежнымъ штрафомъ, по административному усмотрѣнію.

Запрещеніе объявленій. Этой кары также нѣтъ въ законѣ объ административныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на безцензурную печать; она была установлена для подцензурной печати, въ 1863 г., и не подтверждена закономъ 6-го апрѣля 1865 г.; тѣмъ не менѣе, кодификаціоннымъ путемъ, этотъ

родъ взысканія попалъ въ Уставъ о цензурѣ и печати, и бывали примѣры примѣненія его къ безцензурнымъ изданіямъ, въ очевидный ущербъ торгово-промышленнымъ интересамъ и той публикѣ, которая нуждается въ публикаціяхъ. Въ 1863 году объявленія и публикаціи не имѣли еще важнаго экономическаго и общественнаго значенія, какъ въ настоящее время, да и существовавшая тогда исключительно только подцензурная печать фактически встрѣчала менѣе стѣсненій, нежели нынѣшняя «свободная» отъ предварительной цензуры.

Общее заключеніе. Изъ изложеннаго видно, что законъ 6-го апрѣля 1865 года желалъ создать въ Россіи независимую печать, обезпеченную отъ случайностей и превратностей цензурныхъ усмотрѣній, гласность и свободу обсужденія. Злоупотребленія печатнымъ словомъ предусмотрѣны карательными законами и подчинены общимъ органамъ правосудія, съ нѣкоторыми лишь изъятіями изъ правилъ о подсудности и судопроизводствѣ. Для ограниченія или же пресѣченія вреднаго направленія, администраціи предоставлено было право временныхъ пріостановокъ и, въ крайнемъ случаѣ, запрещеніе изданія при посредствѣ представленій, разсматриваемыхъ и утверждаемыхъ Правительствующимъ Сенатомъ.

Въ дѣйствительности, за исключеніемъ дѣлъ объ оскорбленіяхъ частныхъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій, вся отвѣтственность по дѣламъ печати происходитъ въ административномъ порядкѣ, безъ предварительнаго разслѣдованія, безъ объясненій и защиты, помимо суда.

По духу закона и по мотивамъ его, изложеннымъ въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта, въ Россіи должны существовать гласность и сво-

бода обсужденія. На дѣлѣ ни того, ни другого нѣтъ. Вслѣдствіе приведенной системы примѣненія какъ легальныхъ, такъ и нелегальныхъ административныхъ взысканій, внушеній и распоряженій, утратилось даже сознаніе, что законъ 1865 года, уничтожившій предварительную цензуру, тѣмъ самымъ обезпечилъ гласность и свободу обсужденія. Въ самомъ «Уставѣ о цензурѣ и печати» тщетно было бы искать указаній на права печати, дарованныя въ 1865 году; о нихъ упоминается лишь косвенно, въ «Уложеніи о наказаніяхъ», въ *примѣчаніи* къ карательной ст. 1035, въ такомъ видѣ: «Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей». При такого рода кодификаціи закона 1865 года, можно заключить, что оглашеніе фактовъ и обсужденіе ихъ не влекутъ лишь уголовнаго наказанія для «виновныхъ», но не освобождаютъ ихъ отъ административныхъ взысканій и усмотрѣній. Подобный взглядъ на «права печати» укореняется въ такой мѣрѣ, что въ прошломъ 1894 году во время возобновившейся въ Петербургѣ холеры, по поводу газетныхъ указаній и мнѣній о противогигіеническомъ положеніи столицы и неудовлетворительности врачебно-полицейскаго надзора, простымъ распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ была распространена предварительная цензура на освобожденныя отъ нея повременныя изданія, относительно всѣхъ статей и извѣстій по холерѣ (которая,

кстати напомнить, застала все населеніе врасплохъ, подъ вліяніемъ подобнаго же запрещенія, и вызвала панику въ Баку, Астрахани и другихъ поволжскихъ городахъ). Въ данномъ случаѣ цензура не только была возстановлена въ нарушеніе закона 1865 года, но и возложена на непредусмотрѣнные закономъ органы ея. Разрѣшеніе всѣхъ извѣстій и статей по холерѣ въ Петербургѣ не было поручено цензурному комитету, а предоставлено тому же градоначальству, дѣйствія котораго подвергались обсужденію.

«Свободная» столичная печать безропотно покорилась такому нелегальному распоряженію, потому что не разъ убѣждалась, что подъ цензурой чисто промышленная издательская дѣятельность несравненно устойчивѣе и сопряжена съ меньшимъ рискомъ. нежели безъ цензуры, хотя, какъ извѣстно, цензурное разрѣшеніе не обезпечиваетъ изданій отъ пріостановокъ и запрещеній административнымъ путемъ.

Въ Высочайше утвержденномъ 16 іюня 1873 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта, по поводу необходимости *временныхъ* ограниченій гласности и свободы обсужденія, выражены были слѣдующія соображенія:

«Изданіемъ этого постановленія, созидающаго законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда высшими интересами государства, нисколько не стѣсняются тѣ предѣлы, въ которыхъ донынѣ представлялось печати обсуждать политическіе и общественные вопросы. Новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно понимающіе призваніе свое слу-

жить пользамъ отечества и сами собою, безъ всякаго принужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства. Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ совершенно исключительнымъ, однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности. Предполагаемая для огражденія отъ подобной нескромности мѣра не будетъ отступленіемъ и отъ утвердившагося у насъ съ 1865 года основного начала, въ силу коего правительство, съ отмѣною предварительной цензуры, устраняетъ себя отъ стѣснительнаго тяготѣнія надъ сущностью высказываемыхъ въ печати мнѣній, преслѣдуя въ ней лишь нарушенія закона, неприличіе формы и явно вредное направленіе. Это начало сохранится въ полной силѣ, ибо цѣль и дѣйствія новаго постановленія будутъ состоять не въ томъ, чтобы направлять сужденія прессы въ какомъ либо опредѣленномъ смыслѣ, а только въ томъ, чтобы въ случаяхъ особой необходимости вовсе устранять изъ области печатной полемики предметы, которые временно не должны подлежать гласности. Такимъ образомъ, правительство останется, какъ и теперь, непричастнымъ разнообразію встрѣчающихся въ печати воззрѣній, и нравственная отвѣтственность за вѣрность печатаемыхъ свѣдѣній, за правильность и разумность сужденій будетъ по прежнему всецѣло лежать на самихъ органахъ печати».

Приведенныя соображенія и цѣли законодателя не могли осуществиться при тѣхъ постановленіяхъ, въ которыя означенныя намѣренія вылились и примѣняются въ дѣйствительности. Это служитъ доба-

вочнымъ указаніемъ на необходимость коренного пересмотра и улучшенія дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати.

II. Желательныя улучшенія въ законахъ о печати.

1. *Повременныя изданія и печатаніе книгъ* не слѣдуетъ подчинять предварительному разрѣшенію; достаточно установленнаго заявленія о приступѣ къ изданію и условіяхъ его, на основаніи существующихъ уже программъ, или предъявленія отпечатанной книги или брошюры въ надлежащее учрежденіе до выпуска ея изъ типографіи. Если необходимо установить какія либо органиченія относительно издательской дѣятельности или лицъ, которымъ не можетъ быть предоставляемо издательское право, то таковыя ограниченія должны быть обозначены въ законѣ.

2. *Запрещеніе книгъ, изданій или издательской дѣятельности* должно быть предоставлено суду, за опредѣленныя въ законѣ или повторительныя правонарушенія.

3. *Предостереженія повременнымъ изданіямъ и пріостановки ихъ* слѣдуетъ вовсе отмѣнить, такъ какъ уголовныя и исправительныя наказанія, вмѣстѣ съ возможностью ареста, совершеннаго уничтоженія книгъ или прекращенія изданій, вполнѣ обезпечиваютъ государство, общество и частныхъ лицъ отъ возможныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ.

4. *За незаконное оглашеніе въ печати фактовъ или вопросовъ особой государственной важности*

достаточно установить надлежащее наказаніе, по степени вреда, могущаго произойти отъ такого оглашенія и примѣнять таковое наказаніе въ общемъ судебномъ порядкѣ. Самое установленіе неподлежащихъ оглашенію фактовъ (напримѣръ: плана мобилизаціи войскъ, оборонительныхъ предположеній, тайныхъ дипломатическихъ переговоровъ и т. п.) можетъ быть обозначено въ законѣ.

5. *Запрещеніе розничной продажи и объявленій*, въ видѣ взысканія, должно быть отмѣнено.

6. *За правонарушенія*, совершенныя путемъ печати, взысканія съ виновныхъ должны налагаться исключительно по суду, съ воспрещеніемъ или уничтоженіемъ изданій или книгъ въ подлежащихъ, указанныхъ въ законѣ, случаяхъ. Для немедленной отмѣны административныхъ взысканій и для подчиненія печати судебной отвѣтственности имѣются и въ настоящее время вполнѣ готовыя нормы, какъ въ улучшеніи о наказаніяхъ, такъ и въ законахъ о судопроизводствѣ; достаточно лишь нѣкотораго пополненія ихъ въ указанныхъ выше случаяхъ, или для предупрежденія развитія шантажа и порнографіи. За преступленія и проступки по дѣламъ печати наши законы налагаютъ весьма строгія наказанія, доходящія до лишенія всѣхъ правъ состоянія и каторжной работы. Если о существованіи подобныхъ наказаній многіе даже не подозрѣваютъ, то это лишь указываетъ, что общее направленіе печати вполнѣ легально и безупречно Вообще было бы ошибочно предполагать, будто воздѣйствіе уголовныхъ законовъ и суда будетъ болѣе потворствовать злоупотребленіямъ печатнымъ словомъ, нежели цензура или административныя взысканія; напротивъ, въ дѣйстви-

тельно важныхъ случаяхъ судебная отвѣтственность гораздо строже, нежели отвѣтственность передъ цензурой; но вмѣстѣ съ тѣмъ получаются и твердо обезпеченныя нормы для гласности и свободы печати, для осуществленія принадлежащихъ ей правъ и обязанностей въ служеніи государственнымъ и общественнымъ интересамъ.

7. *Дѣйствіе закона и суда* надлежитъ распространить на всю печать, какъ столичную, такъ и провинціальную.

Примѣчаніе. Постановленія о литературной собственности и нѣкоторые уголовные законы, относящіеся къ печати, въ свою очередь, устарѣли и требуютъ пересмотра; но это, надо надѣяться, входитъ въ кругъ обязанностей комиссій, трудящихся надъ разработкой новаго уложенія по гражданскому и уголовному праву.

Съ осуществленіемъ означенныхъ предположеній, умственная жизнь Россіи войдетъ въ правильныя, устойчивыя нормы, а созданная починомъ Петра Великаго печать, вѣрная завѣтамъ геніальнѣйшихъ представителей русской литературы, получитъ возможность оберечь себя отъ той порчи, которая начала вкрадываться въ нее въ послѣдніе годы подъ дѣйствіемъ постановленій, заимствованныхъ изъ наполеоновской Франціи и извратившихъ французскую журналистку въ такой мѣрѣ, что въ настоящее время потребовались особыя усилія для очищенія ея отъ дурной накипи.

Законность и правосудіе избавятъ русскихъ писателей отъ ярма, налагаемаго на печать промышленною предпріимчивостью и угодничествомъ передъ низменными вкусами. Освобожденное отъ излишнихъ стѣсненій слово будетъ неизмѣнно сѣять «разумное, доброе, вѣчное».

МАРТИРОЛОГІЙ

РУССКОЙ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

АДМИНИСТРАТИВНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕЧАТИ.

1873 г.

5 января. Воспрещается сообщать свѣдѣнія о ходѣ политическаго процесса Нечаева; газеты должны органичиваться перепечаткою судебныхъ отчетовъ изъ «Правительственнаго Вѣстника».

6 января. Ничего не сообщать о толкахъ, возникшихъ въ иностранныхъ газетахъ по поводу поѣздки графа П. А. Шувалова въ Лондонъ, равно не сообщать и другихъ извѣстій подобнаго рода.

10 января. Подтверждается о точномъ соблюденіи распоряженія отъ 5-го января (процессъ Нечаева), нарушеннаго нѣкоторыми изданіями.

19 марта. Не перепечатывать извѣстія объ изнасилованіи какимъ-то педерастомъ гимназиста.

19 апрѣля. Подтверждается о точномъ соблюденіи распоряженія относительно печатанія извѣстій объ особахъ Императорской Фамиліи не иначе, какъ съ разрѣшенія министра Двора.

8 іюня. Не печатать ни документовъ, ни какихъ-либо извѣстій по поводу слуховъ, что совѣтъ цюрихскаго университета намѣренъ обратиться къ русскому правительству съ протестомъ противъ заявленнаго русскимъ правительствомъ распоряженія о русскихъ женщинахъ, слушающихъ лекціи въ цюрихскомъ университетѣ.

29 іюня. Не перепечатывать изъ № 68 «Кавказа» и № 160 «Московскихъ Вѣдомостей» статьи о красноводскомъ отрядѣ.

28 декабря. Не дозволяется сгруппировывать подъ общею рубрикою извѣстія о неурожаѣ и явленіяхъ, происходящихъ отъ онаго, какъ напр. «Самарскій голодъ», «Хроника народнаго голода» и т. п.

1874 г.

9 января. Вновь и строжайше воспрещается печатать о голодѣ въ Самарской Губерніи и смежныхъ съ нею подъ общею рубрикою.

9 января. При описаніи безпорядковъ, происшедшихъ въ уніатскихъ приходахъ Сѣдлецкой Губерніи воздерживаться отъ сообщенія подробностей слишкомъ рѣзкихъ, могущихъ возбудить общественное мнѣніе противъ административныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ.

17 *января.* Воспрещается печатаніе слуховъ объ ожидаемыхъ перемѣщеніяхъ въ личномъ составѣ высшихъ административныхъ должностей.

30 апрѣля. Не перепечатывать изъ «Указателя по дѣламъ печати» заглавія книгъ, запрещенныхъ иностранною цензурою.

15 іюня. Воспрещается печатать извѣстія о грекоуніатскихъ дѣлахъ въ Холмской эпархіи (Словесное сообщеніе предсѣдателя Цензурнаго Комитета).

8 іюля. Дозволяется печатаніе отчета по полити ческому процессу не иначе, какъ дословно согласно съ отчетомъ, помѣщаемымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

8 августа. Подтверждается распоряженіе относительно печатанія извѣстія объ особахъ Императорской Фамиліи не иначе, какъ съ разрѣшенія министра двора.

21 октября. Воспрещается печатаніе статей противъ Академіи Художествъ въ возникшей полемикѣ по поводу отказа художника Верещагина отъ званія профессора.

25 октября. Не печатать ничего относящагося до полемики, возбужденной по поводу дѣятельности и сочиненій проф. И. Ѳ. Ціона, равнымъ образомъ о волненіяхъ въ Медико-Хирургической Академіи и о принимаемыхъ по сему поводу административныхъ мѣрахъ, за исключеніемъ извѣстій, которыя будутъ обнародованы оффиціально.

26 декабря. Не сообщать никакихъ извѣстій о великомъ князѣ Николаѣ Константиновичѣ, не исключая и факта его ссылки.

1875 г.

23 января. Не печатать объявленій отъ лондонскаго общества страхованія проигрышей на скачкахъ, какъ равнымъ образомъ ничего, касающагося тотализатора, въ Россіи безусловно воспрещеннаго.

31 января. Не печатать никакихъ статей по поводу самоубійства Порфирія Ламанскаго.

5 апрѣля. Не печатать свѣдѣній по дѣлу Майкова и Крестовской, разбиравшемуся 1-го апрѣля, при закрытыхъ дверяхъ, а также о столкновеніи поручика Крестовскаго съ присяжнымъ повѣреннымъ Соколовскимъ.

28 мая. По поводу помѣщенной въ № 124 «Голоса» статьи «Русскій міръ по отношенію къ Туркестанскому Краю» объявляется воспрещеніе печатать подобныя статьи, оскорбительныя для лицъ, находящихся на государственной службѣ.

15 іюля. По дѣлу Дьякова и др., обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи разрѣшается печатать только по отчету, помѣщаемому въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

15 іюля. Воспрещается сообщать какія либо извѣстія о самоубійствѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лампе.

23 августа. По поводу извѣстія «Кіевлянина» о поправленіи здоровья великаго князя Николая Константиновича подтверждается распоряженіе отъ 26-го декабря 1874 года.

9 сентября. Воспрещается печатать что-либо о предполагаемомъ введеніи въ Остзейскомъ Краѣ новаго городового положенія.

22 октября. По поводу сообщеннаго въ газетѣ «Биржа» слуха о банкротствѣ торговаго дома Терещенко, рекомендуется соблюдать всевозможную осторожность при сообщеніи извѣстій подобнаго рода.

18 ноября. Не сообщать ничего о безпорядкахъ въ Технологическомъ Институтѣ, вслѣдствіе которыхъ исключенъ студентъ Варинскій и уволенъ студентъ Кауфманъ, оба высланные уже на родину

28 декабря. Воспрещается сообщать какія-либо свѣдѣнія о насильственной смерти императора Петра III, разрѣшенныя къ напечатанію въ XXV т., «Исторіи Россіи» Соловьева (на основаніи закона 16 іюня 1873 г.).

1876 г.

20 февраля. Воспрещается упоминать въ печати объ упраздненіи лифляндскаго и курляндскаго генералъ-губернаторства.

21 апрѣля. Воспрещается говорить о судебномъ разбирательствѣ по дѣлу поручика Крестовскаго (словесное сообщеніе въ Цензурномъ Комитетѣ).

8 іюня. По поводу статьи въ № 67 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» воспрещается сообщать извѣстіи о судебномъ вѣдомствѣ въ Привислянскомъ Краѣ.

4 августа. Государь Императоръ находитъ неумѣстнымъ искаженіе географическихъ названій: Юрьевъ вм. Дерптъ, Рижская Губернія вм. Лифляндская и т. п.

23 августа. Печатаніе заявленій отъ имени Славянскаго Благотворительнаго Комитета дозволяется лишь съ разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

7 октября. Воспрещается печатать всеподданнѣйшій адресъ московской городской думы, о которомъ было возвѣщено въ газетахъ отъ 6-го октября.

8 октября. Воспрещается печатать даже слухи о всеподданнѣйшихъ адресахъ (на основаніи закона 16 іюня 1873 г.).

11 октября. Воспрещается печатать о какихъ бы то ни было коллективныхъ заявленіяхъ.

2 ноября. Воспрещается сообщать въ газетахъ какія либо распоряженія военнаго вѣдомства, особенно же о «дизлокаціи и передвиженіи войскъ», кромѣ оффиціально объявленныхъ.

6 ноября. Предписывается не печатать никакихъ всеподданнѣйшихъ адресовъ ранѣе обнародованія ихъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

19 ноября. Не печатать вообще никакихъ извѣстій о военныхъ у насъ приготовленіяхъ какого бы ни было рода, а равно никакихъ предварительныхъ соображеній и разъясненій касательно могущихъ послѣдовать военныхъ дѣйствій съ нашей стороны, за исключеніемъ перепечатокъ изъ «Русскаго Инвалида» и «Правительственнаго Вѣстника».

1877 г.

17 января. По поводу процесса, разсматриваемаго особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, о безпорядкахъ на площади Казанскаго собора, органичиваться лишь перепе-

чаткою стенографическаго отчета изъ «Правительственнаго Вѣстника».

25 января. Воспрещается перепечатывать коллективное заявленіе профессоровъ Казанскаго университета противъ проф. Московскаго университета Любимова.

16 февраля. Воспрещается всякая полемика по поводу дѣла проф Любимова.

19 февраля. Какъ по назначенному на 21 февраля политическому дѣлу о преступной пропагандѣ въ Московской, Владимирской, Тульской, Кіевской и др. губерніяхъ, такъ и по другимъ политическимъ процессамъ ограничиваться перепечаткою отчета изъ «Правительственнаго Вѣстника».

19 іюня. Подтверждается, по поводу воззванія къ болгарамъ, что Agence Générale Russe есть изданіе неоффиціальное.

1879 г.

26 января. Воспрещается «вообще печатаніе самостоятельныхъ стенографическихъ отчетовъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы газеты и журналы ограничивались по этимъ дѣламъ лишь перепечаткою того, что будетъ напечатано о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда и особаго Присутствія Правительствующаго Сената — въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», а о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Судебныхъ Палатъ и Военныхъ Судовъ — въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ».

1880 г.

2 января. Въ статьяхъ, посвященныхъ предстоящему 25-тилѣтію царствованія Государя Императора воспрещаются всякія сравненія съ двадцатипятилѣтіемъ предыдущаго царствованія Николая I (словесное указаніе предсѣдателя Цензурнаго Комитета).

1881 г.

3 апрѣля. Безусловно воспрещаются какія-либо сообщенія и предположенія о причинахъ самоубійства члена государственнаго совѣта, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Л. Макова (словесно).

21 апрѣля. Воспрещаются всякія извѣстія о выходѣ въ отставку гр. Лорисъ-Меликова, Д. Милютина и А. Абазы, какъ вмѣстѣ, такъ и порознь.

1882 г.

1 іюля. Предписывается безусловное уваженіе къ князю болгарскому, принцу Баттенбергскому, какъ родственнику Императорской Фамиліи *).

1889 г.

27 апрѣля. Воспрещается печатать какія-либо статьи о городскихъ выборахъ.

---

*) Съ 1882 по 1889 г., въ теченіи семи лѣтъ, административныя распоряженія, объявленныя періодической печати, имѣютъ цѣлью преимущественно затруднить дѣятельность и принизить значеніе великихъ реформъ Александра II — крестьянской, земской, судебной, военной, городской и др.

4 февраля. Вновь подтверждается воспрещеніе печатать извѣстія о Высочайшихъ особахъ безъ предварительнаго разрѣшенія Министра Императорскаго Двора.

8 сентября. Воспрещается печатать свѣдѣнія о засѣданіяхъ биржевыхъ комитетовъ и Вольнаго Экономическаго Общества по вопросу о тарифахъ.

23 сентября. Ничего не печатать о злоупотребленіяхъ, открытыхъ въ Кредитномъ Обществѣ.

1890 г.

26 января. Ничего не говорить о растратѣ земскихъ суммъ въ Калужской губерніи.

11 февраля. Воспрещается упоминать о случаѣ, бывшемъ съ сыномъ англійскаго посланника Моріера.

8 марта. Не обсуждать и не критиковать статьи, помѣщенной въ № 51 «Правительственнаго Вѣстника» о задачахъ коммиссіи, состоящей при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, по пересмотру гимназическихъ программъ; вообще, ничего не печатать о гимназіяхъ и объ учебной въ нихъ системѣ.

11 марта. Воспрещается сообщать свѣдѣнія о волненіяхъ среди студентовъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ институтѣ и въ московскомъ университетѣ.

28 марта. Прекратить всякую полемику по поводу «Крейцеровой Сонаты» гр. Л. Н. Толстого.

7 мая. При обсужденіи театральныхъ представленій относиться возможно осторожнѣе къ дирекціи Императорскихъ театровъ.

18 мая. Строжайше предписывается ничего не упоминать о предстоящемъ двадцатипятилѣтіи закона о печати.

10 іюня. Извѣстія о Высочайшихъ особахъ могутъ быть только перепечатываемы изъ «Правительственнаго Вѣстника».

8 ноября. Воспрещается упоминать о протестѣ противъ какого-то мнимаго «угнетенія евреевъ».

9 ноября. Ничего не печатать о хлѣбныхъ тарифахъ.

15 ноября. Воспрещается сообщать какія-либо свѣдѣнія о предположеніяхъ военнаго министерства, особенно же о покупкѣ помѣстій въ Юго-Западномъ Краѣ.

26 ноября. Предписывается безусловное молчаніе о спорѣ Франціи и Нидерландовъ по поводу владѣній въ Гвіанѣ.

1891.

18 января. Все, что касается придворной хроники можетъ быть печатаемо не иначе, какъ съ разрѣшенія министра Двора.

20 марта. Воспрещаются какія-либо извѣстія о военныхъ мѣропріятіяхъ.

19 апрѣля. Запрещается печатать объявленія о продажѣ капсюлей Матико и Ко.

18 іюня. Воспрещается сообщать какія-либо свѣдѣнія и печатать какія либо разсужденія о новомъ таможенномъ тарифѣ.

27 іюня. Воспрещается сообщать какія-либо извѣстія о заболѣваніяхъ холерою, хотя бы даже приходящія изъ заграницы.

1 августа. По поводу статьи въ газетѣ «Гамелицъ», воспрещается печатать воззванія и собирать пожертвованія въ пользу переселенія евреевъ.

8 августа. Рекомендуется избѣгать опечатокъ въ титулахъ и именахъ Высочайшихъ особъ.

12 ноября. Воспрещается печатать какія-либо воззванія въ пользу голодающихъ.

1892.

14 января. Воспрещается печатать статьи о закупкѣ муки С.-Петербургскою городскою управою.

23 января. Воспрещается перепечатывать изъ № 22 «Московскихъ Вѣдомостей» письмо гр. Л. Н. Толстого, помѣщенное въ лондонской газетѣ «Daily Telegraph».

30 января. Воспрещается печатаніе статей о внутренней жизни свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведеній и о взысканіяхъ съ воспитанниковъ.

30 января. Ничего не говорить о раздорахъ, возникшихъ между министромъ путей сообщенія Гюббенетомъ и желѣзнодорожнымъ инспекторомъ полковникомъ Вендрихомъ.

3 февраля. Рекомендуется соблюдать крайнюю осторожность при сообщеніи извѣстій о кредитоспособности торгово-промышленныхъ лицъ и учрежденій.

23 марта. Запрещается перепечатывать изъ протоколовъ Медицинской Академіи извѣстій о посѣщеніи Академіи Государемъ Императоромъ.

23 марта. Воспрещаются всякя статьи о болѣзни Н. Х. Бунге, предсѣдателя Комитета Министровъ *(словесно).*

26 марта. Сообщается для свѣдѣнія и руководства, что суда добровольнаго флота суть пароходы, а не крейсеры.

13 іюня. Безусловно воспрещается упоминать о холерѣ.

21 іюня. Воздерживаться относительно необходимости устроить пышную встрѣчу американскимъ судамъ, везущимъ хлѣбъ для голодающихъ.

21 іюня. Воспрещается печатать статьи по поводу двухъ слѣдующихъ книгъ: «Программы нравственности» и «Катковъ и его жизнь».

17 іюля. Воспрещается говорить вообще о холерѣ. Въ «Русской Жизни» сообщается даже будто хоронятъ живыхъ, между тѣмъ какъ холера вовсе не имѣетъ грозныхъ размѣровъ.

27 августа. По поводу покушенія на взрывъ церкви въ Варшавѣ, предписывается воздерживаться отъ сообщенія извѣстій о политическихъ преступленіяхъ.

1 сентября. Воспрещается печатать о самоубійствѣ кн. Крапоткина, офицера лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка.

23 сентября. Запрещается перепечатывать изъ «Новостей» адресъ и дипломъ предсѣдателю санитарной коммиссіи Н. А. Нечаеву.

23 сентября. Воспрещается сообщать что-бы то ни было о соляномъ налогѣ.

23 сентября. Воспрещается упоминать о случаѣ съ помощницей надзирательницы лазарета павловскаго института *(словесно).*

24 сентября. Безъ разрѣшенія градоначальника не печатать извѣстій о бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи благотворителей.

24 сентября. Ничего не печатать объ убіеніи сотника Иловайскаго сотникомъ Жеребковымъ.

25 сентября. Воспрещается печатать отчетъ о дѣлѣ генералъ-лейтенанта Розенкампфа, слушавшемся при закрытыхъ дверяхъ *(словесно)*.

23 ноября. Воспрещается печатать о пересмотрѣ гимназическихъ программъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и о сокращеніи гимназическаго курса.

29 ноября. По поводу статьи «Торговля дѣтьми», помѣщенной въ «Новомъ Времени», воспрещается печатать о распоряженіяхъ Воспитательнаго дома по Любанскому округу.

29 ноября. Ничего не сообщать о присутствованіи великаго князя Сергѣя Михаиловича при распредѣленіи новобранцевъ по полкамъ *(словесно)*.

29 ноября. Воспрещается печатать извѣстія о дѣлѣ Важинскаго и о подобномъ же дѣлѣ въ Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи *(словесно)*.

14 декабря. Буквально повторено распоряженіе, объявленное въ циркулярѣ отъ 30-го января 1892 года.

1893 г.

13 января. Воспрещается упоминать о безпорядкахъ на Рождественскихъ акушерскихъ курсахъ и о распоряженіяхъ попечителя курсовъ барона Корфа.

4 февраля. Запрещается говорить о публичной лекціи художника В. В. Верещагина, читанной въ городской думѣ, особенно же его заявленіи объ офицерахъ, уклоняющихся отъ сферы губительнаго огня и въ то же время указывающихъ солдатамъ путь къ славѣ.

10 февраля. Свѣдѣнія о ходѣ холеры могутъ быть заимствованы только изъ «Правительственнаго Вѣстника».

1 марта. «10 октября 1888 года безцензурнымъ періодическимъ изданіямъ предложено было не оглашать въ печати отзывовъ, затрагивающихъ честь турецкаго султана, состоящаго главою дружественнаго съ Россіею государства. Несмотря на то, вновь появились оригинальныя и заимствованныя статьи, осмѣивающія султана Абдулъ-Гамида. Изданія предупреждаются, что на основаніи ст. 102 и 104 устава цензурнаго, изд. 1890 г., въ періодическихъ изданіяхъ отнюдь не должны быть допускаемы статьи оскорбительныя по отношенію къ коронованнымъ особамъ дружественныхъ Россіи державъ подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія».

1 марта. Воспрещается упоминать подъ какимъ-либо видомъ о гимназистѣ Литвиновѣ *(словесно).*

16 марта. Не разрѣшается сообщать какихъ-либо извѣстій о комитетѣ Сибирской желѣзной дороги, кромѣ помѣщаемыхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

16 марта. Воспрещается печатать о нанесеніи смертельной раны московскому городскому головѣ Алексѣеву, причемъ обѣщано, что все будетъ «своевременно обнародовано».

19 марта. Воспрещается печатать объ отравленіи лаборанта С.-Петербургскаго университета Н. Н. Хамонтова (*словесно*).

2 апрѣля. Воспрещаются какія-либо статьи о предстоящихъ выборахъ въ С.-Петербургскую городскую думу.

9 апрѣля. Въ совѣтѣ Московскаго училища живописи и ваянія возникли кое-какія недоразумѣнія, оглашать которыя признается неудобнымъ.

14 апрѣля. Ничего не печатать объ убійствѣ, случившемся на станціи Плюсса.

4 мая. Воспрещается печатать о главномъ врачѣ л.-гв. павловскихъ казармъ к. с. Кондратьевѣ, выбросившемся изъ окна 2-го этажа на улицу.

7 мая. Воспрещается сообщать о порядкѣ пополненія недоизбранныхъ гласныхъ С.-Петербургской думы по новому положенію, особенно же о распоряженіи г. Плеве и о статьяхъ заграничныхъ газетъ по этому поводу.

14 мая. Воспрещается сообщать свѣдѣнія о совѣщаніяхъ, бывшихъ у министра государственныхъ имуществъ А. С. Ермолова по сельскохозяйственнымъ вопросамъ.

7 іюня. «Въ скоромъ времени предстоитъ опубликованіе закона о двойномъ таможенномъ тарифѣ, а засимъ, по всей вѣроятности, и основаній торговаго соглашенія съ Франціею. Мѣры эти, чуждыя всякаго политическаго значенія, внушены правительству исключительно желаніемъ охранить интересы нашей вывозной торговли и добывающей промышленности; между тѣмъ, нельзя не опасаться, что печать наша, особенно въ виду могущихъ появиться заграницей отзывовъ по сему предмету, станетъ

при обсужденіи предстоящихъ распоряженій доискиваться въ нихъ политическаго значенія и можетъ проявить задоръ по отношенію вообще къ иностраннымъ государствамъ, въ частности же къ Германіи. Въ виду такихъ нежелательныхъ отзывовъ прессы, Главное Управленіе по дѣламъ печати, на основаніи ст. 140 и 156 устава цензурнаго, считаетъ необходимымъ предварить гг. редакторовъ, что правительство, сохраняя за ними полную свободу обсужденія дѣла съ единственно ему присущей экономической точки зрѣнія, предлагаетъ имъ соблюдать чрезвычайную сдержанность въ оцѣнкѣ означенныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, отнюдь не высказывая по сему поводу никакихъ предположеній, сопоставленій или намековъ политическаго характера, хотя бы съ цѣлью возраженія иностраннымъ газетамъ» *(секретно)*.

28 іюня. Въ послѣднее время появился рядъ статей о безпорядкахъ на фабрикахъ и заводахъ и объ отношеніи рабочихъ и хозяевъ. Такъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» говорилось о безпорядкахъ на Хлудовской мануфактурѣ, въ «Сынѣ Отечества» сообщалось о безпорядкахъ въ Шуѣ, въ «Новомъ Времени» упоминалось объ юзовскихъ заводахъ. Подобныя сообщенія и статьи безусловно воспрещаются.

21 августа. Ничего не сообщать о холерной эпидеміи и о засѣданіяхъ больничной и санитарной коммиссій при С.-Петербургской городской думѣ.

4 октября. Предсѣдатель Цензурнаго Комитета прочелъ письмо Министра Иностранныхъ Дѣлъ Гирса къ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Плеве, и именемъ его рекомендовалъ «не раздражать Германію, говоря о встрѣчѣ русскихъ моряковъ въ Тулонѣ и Парижѣ».

13 сентября. Воспрещается печатать о дуэли двухъ гвардейскихъ офицеровъ съ кн. Накашидзе.

17 сентября. Воспрещается взывать къ частной благотворительности въ пользу семей погибшихъ на «Русалкѣ», такъ какъ «обезпеченіе ихъ лежитъ на попеченіи государства».

18 сентября. Рекомендуется ничего не говорить о паденіи цѣнъ на хлѣбъ и объ увеличивающихся вслѣдствіе этого затрудненіяхъ (*словесно*).

23 сентября. Воспрещается печатать что-либо о положеніи дѣлъ страховаго общества «Россіянинъ».

24 сентября. Ничего не сообщать о дѣлѣ, слушавшемся 22-го сентября въ одесской судебной палатѣ, винницкаго уѣзднаго исправника Пененжевадскаго, обвинявшагося въ преступленіи по должности.

10 октября. Воспрещается критика дѣйствій дирекціи Императорскихъ театровъ, согласно распоряженіямъ 27 августа 1888 г. и 7 мая 1890 г.

11 октября. Редакціи приглашаются ничего не говорить о порядкахъ въ Финляндіи и о незаконномъ ввозѣ товаровъ изъ заграницы въ Финляндію (*словесно*).

21 октября. «Въ настоящее время, когда при переговорахъ нашего правительства съ Германіею по тарифнымъ вопросамъ обѣ страны обнаруживаютъ стремленіе привести эти переговоры къ взаимно удовлетворительному результату, нѣкоторыя изъ періодическихъ изданій позволяютъ себѣ высказывать рѣзкія и запальчивыя сужденія о дѣйствіяхъ германскаго правительства, могущія только повредить успѣху дѣла.

«Вслѣдствіе сего по распоряженію Министра Внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 156 устава о цензурѣ и печати, Главное Управленіе по дѣламъ печати считаетъ долгомъ объяснить гг. редакторамъ газетъ и журналовъ, что подобный образъ дѣйствій съ ихъ стороны не можетъ быть терпимъ».

10 ноября. Воспрещается упоминать о дѣлѣ по оскорбленію полицейскаго пристава Брикингофа, которое назначено къ слушанію въ окружномъ судѣ на 11-е ноября.

24 ноября. Предписывается не печатать статей и извѣстій, касающихся вопроса о морскомъ цензѣ.

7 декабря. Ничего не печатать о дѣлѣ казанскаго полиціймейстера Панфилова, которое вскорѣ будетъ слушаться въ Правительствующемъ Сенатѣ.

14 декабря. Воспрещается упоминать объ оскорбленіи, нанесенномъ епископу оренбургскому Макарію.

23 декабря. Ничего не сообщать о скоропостижной смерти лейтенанта Шведе I, возвращавшагося изъ Енисейской экспедиціи.

23 декабря. Предлагается молчать о томъ, что поручикъ генеральнаго штаба Геркунъ ранилъ себя въ грудь *(словесно)*.

1894 г.

17 января. Воспрещается упоминать въ печати о болѣзни Государя Императора.

18 января. Въ дополненіе ко вчерашнему распоряженію, воспрещается печатать даже о молебствіяхъ, совершаемыхъ по случаю болѣзни Его Императорскаго Величества.

20 января. Ничего не сообщать о несчастіи въ семействѣ доктора Вельяминова.

26 января. Воспрещается сообщать извѣстія о желѣзнодорожныхъ несчастіяхъ, безъ предварительной провѣрки этихъ извѣстій.

10 февраля. Воздерживаться отъ помѣщенія статей о самопомощи при болѣзняхъ и самоврачеваніи, особенно же медицинскихъ совѣтовъ, наставленій и рецептовъ.

18 февраля. Строжайше воспрещается даже упоминать о внесенномъ въ Государственный Совѣтъ проектѣ договора между Россіей и Германіей о торговлѣ и мореплаваніи, равно какъ и о преніяхъ, которыя будутъ по этому поводу происходить въ Совѣтѣ.

8 марта. Ничего не печатать о дѣлѣ въ Одесскомъ окружномъ судѣ о присяжномъ стряпчемъ Пеликанѣ, обвиняющемся въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ одесскому полиціймейстеру.

26 марта. Воспрещается обсуждать вопросъ о 750-тилѣтнемъ юбилеѣ Москвы, такъ какъ «возбужденіе вопросовъ объ юбилеяхъ, имѣющихъ государственное значеніе, вовсе не подлежитъ частной инціативѣ».

5 апрѣля. Безусловно воспрещается сообщать какія-либо свѣдѣнія, тѣмъ болѣе разсужденія о полицейскомъ чиновникѣ X. Y. Z. по поводу его денежныхъ разсчетовъ съ купцомъ Шифлеромъ.

5 апрѣля. Ничего не печатать о 25-тилѣтнемъ юбилеѣ начальника рѣчной полиціи Г. А. Васенко.

5 апрѣля. Воспрещается печатаніе статей о переселенческомъ дѣлѣ, разсматривающемся въ особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ камергера Сипягина, товарища Министра Внутреннихъ дѣлъ.

22 апрѣля. Вновь напоминается, что печатаніе статей церковнаго и догматическаго характера допустимо лишь съ предварительнаго разрѣшенія духовной цензуры.

19 мая. Воспрещаются всякія извѣстія и статьи по поводу убійства г-жи Болдыревой въ Пензѣ.

1 іюня. Не упоминать о холерѣ на станціи Луховицы московско-казанской желѣзной дороги и о переполненіи вагоновъ 3-го класса на означенной дорогѣ.

18 іюня. Ничего не печатать о правленіи россійскаго общества морского, рѣчнаго и сухопутнаго страхованій.

4 іюля. Не помѣщать извѣстій и статей о холерѣ въ Петербургѣ, согласно распоряженіямъ, объявленнымъ редакціямъ 13-го іюня 1892 г. и 10-го февраля 1893 г.

4 іюля. Воспрещается заимствовать изъ иностранныхъ газетъ какія-либо свѣдѣнія о графѣ Л. Н. Толстомъ, его сочиненіяхъ и частной его жизни (*словесно*).

4 іюля. Воспрещается упоминать въ печати объ убіеніи капитана Бруни жандармскимъ унтеръ-офицеромъ.

21 сентября. Вновь подтверждается запрещеніе касаться въ печати болѣзни Государя Императора.

6 октября. Симъ предписывается принять всѣ мѣры, чтобъ въ тѣхъ экземплярахъ газетъ, которыя предназначены для отправки въ Ливадію, были исключены всѣ извѣстія о болѣзни Государя Императора.

12 октября. Ничего не упоминать объ арестѣ офицера одного изъ стоящихъ въ Петербургѣ полковъ.

14 октября. Воспрещается заимствовать изъ парижскаго «Le Journal» статью о причинѣ болѣзни Государя Императора, переведенную изъ миланской газеты «Secolo».

14 октября. Ничего не печатать о послѣдователѣ толстовскаго ученія, крестьянинѣ Евдокимѣ Никитичѣ Дрожжинѣ, умершаго въ воронежской городской тюрьмѣ десять мѣсяцевъ назадъ, въ январѣ.

21 октября. Не перепечатывать статьи «Болѣзнь царя и знаменіе времени», напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 19 октября 1894 г.

9 ноября. Воспрещается печатаніе какихъ-либо статей о болѣзни и леченіи Александра III.

11 ноября. Симъ предписывается строжайше наблюсти, чтобъ въ газетахъ и журналахъ не появилось ни одной строки о дуэли въ кавалергардскомъ Ея Величества полку.

12 ноября. Не печатать статей бывшаго члена Сыръ-Дарьинскаго областнаго суда въ Ташкентѣ Семена Ивановича Гусона.

22 ноября. Ничего не сообщать о слушающемся сегодня въ окружномъ судѣ дѣлѣ Звѣржинскаго.

1895 г.

19 января. Извѣстія о замерзаніи портовъ разрѣшается печатать лишь въ томъ случаѣ, если таковыя извѣстія получены отъ оффиціальныхъ лицъ.

22 марта. Вновь подтверждается, что о перемѣнахъ въ личномъ составѣ высшихъ государственныхъ чиновъ печатать какія-либо свѣдѣнія безусловно запрещено, о чемъ редакціи были уже увѣдомлены распоряженіями отъ 1-го и 25-го мая 1881 г., 6-го ноября 1882 г. и 7-го октября 1884 года.

1.5?

AUG 1 3 1988
WIDENER
AUG
CANCELLED
AUG 1988

WIDENER
SEP 1 5 1988
WIDENER
JUL 8 1989
CANCELLED
AUG 6 1989